

СМЕНА



23 1960



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Год издания тридцать седьмой.

23 ДЕКАБРЬ
1960

«Не забыли ли мы о чем-нибудь!» — думают Клава Лысенко и Ира Ушанова.

Это весточка в Ленинград Нине Глазуновой. Ведь Клава и Нина обещали писать друг другу тогда, летом...

И вот письмо у адресата (снимок внизу).

Впрочем, не будем забывать вперед. О том, кто такие Клава и Нина, вы узнаете из фотоочерка, который публикуется на стр. 4.



МЫ К КОММУНИЗМУ

ДЕРЖИМ ПУТЬ

Дорогие друзья, молодые наши современники, уважаемые читатели «Сменки»!

В замечательное время довелось нам с вами жить, работать и учиться! В наши дни свершается то, о чем веками мечтали величайшие умы человечества, за что проливали кровь и отдавали жизни лучшие сыны и дочери разных времен и народов. Своими руками, своей волей, своим упорством и настойчивостью мы строим самое прекрасное общество на земле — коммунизм.

Во главе многомиллионной армии создателей нового общества уверенно и твердо шагают пионеры, разведчики будущего — ударники и члены бригад коммунистического труда. Минуту два года с тех пор, как в прославленном коллективе дено Москва-Сортировочная зародился ручеек замечательной комсомольской инициативы — стремление работать и жить коммунистически. В невиданно короткий срок этот ручеек превратился в могучий поток, превратился в постоянное всемирное движение. Если год назад за почетное право называться ударниками и коллективами коммунистического труда соревновалось около трех миллионов рабочих и колхозников, инженеров и служащих, то теперь в их рядах 7 миллионов 750 тысяч человек.

Вам, герои нашего времени, вам, первооткрыватели неизведанных путей в будущее, вам, цвету и гордости огромной армии советских тружеников, мы посвящаем этот номер «СМ».

По утрам, разорванная газетой, ты погружаешься в стремительный поток больших и маленьких подвигов, совершаемых твоими ровесниками.

За каждым таким сообщением, свидетельствующим о новой большой победе советских людей, стоит дни и месяцы напряженнейшего труда, труда творческого, вдохновенного, труда, который приносит людям огромное моральное удовлетворение.

На бескрайних просторах нашей Родины — от строгого севера до знойного юга, от берегов Балтийского моря до самых восточных окраин Чукотки и Сахалина — развернулись фронт борьбы за коммунизм. На самых ответственных, решающих участках этого гигантского мирного фронта с задором и огнем, с замечательной молодежной энергией трудятся юнны и девушки с комсомольскими значками на груди.

«Меня радует, что я вижу в этом зале много молодых лиц, — сказал на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда Нинта Сергеевич Хрущев. — Это закономерно. Наш Ленинский комсомол, являвшийся инициатором соревнования бригад коммунистического труда, внесла новую славную страницу в свою героическую историю. Он еще раз показал себя верным, надежным помощником нашей великой Коммунистической партии, пламенным проводником ее идей.

Эта высокая оценка вдохновила комсомольцев на новые трудовые свершения, задела в них стремление работать еще лучше, еще быстрее, еще качественнее. Комсомол стал шестфом не только отдельных строек, но и целых отраслей промышленности: цементной, химической, целлюлозно-бумажной, транспортного строительства. И повсюду запевалами больших героических дел выступили ударники и члены бригад коммунистического труда.

В борьбе за коммунистический труд все шире включаются молодые труженники колхозов и совхозов. Комсомольцы села пришли к декабрьскому пленуму ЦК КПСС не с пустыми руками.

Молодые механизаторы Кубани Василий Каширин и Анатолий Савин, применяя строительные жатки, за один день скинали по 165 гектаров хлеба! Почва был подожжен всеми комсомольцами Краснодарского края, славного достояние государству десятка миллионов пудов хлеба.

А вспомните Татьяну Перешнюю, молодую сварницу из совхоза «Победитель», Омской области, решившую вырастить в 1961 году 12 тысяч свиней. Подобных примеров можно привести немало.

Для этих людей труд на благо Родины стал потребностью.

Неведомым еще человечеству темпами выполняются грандиозные замыслы смелости, крепнет материально-техническая база нашего общества. Непрерывно растет индустриальная и сельскохозяйственная мощь нашей Родины. Наши ученые изучают мир новыми замечательными открытиями.

Но самое большое достижение советского строя — это люди, люди нового духовного облика, широкой груди и высоких моральных качеств.

Движение бригад коммунистического труда помогает выполнять основную задачу коммунистического строительства — создавать могучую материально-техническую базу и воспитывать нового человека.

Коммунистические идеалы воплощаются в жизнь. Бескорыстие, глубокое чувство коллективизма, высокий гуманизм — характерные черты молодого советского человека наших дней. Но, что самое главное, неотъемлемым качеством простого советского человека становится новое, коммунистическое отношение к труду. Это — величайшее завоевание нашего строя.

Труд в нашей стране становится творчеством. Каждый рабочий стремится на своем участке добиться наивысшей производительности труда, экономит резервы времени, улучшает организацию труда. Так, например, поступает бригада романтиков Ростовского паровозостроительного завода имени Ленина, комсомольцы которой по-своему организовали расстояние сил на рабочих местах. Романтики под руководством бригадира Виктора Болотова за счет продуманной организации трудового процесса сократили две шитые единицы — премиями и подсобного рабочего, — что значительно улучшило качество работы бригады и сэкономило государственные средства.

Замечательным примером, характеризующим новое, коммунистическое отношение к труду, явился благородный почин банских комсомольцев Х. Замирджанова, А. Челпаго, Н. Подлесного, А. Бахшалиева и их товарищей. В свободное от работы время они отремонтировали 42 квартиры труженника, пенсионера, инвалида Великой Отечественной войны. Отремонтированы бесплатно.

Но круг забот коллективов коммунистического завода не может и не должен замыкаться в собственных рамках. У нас еще есть много отстающих участков — бригад, цехов, цехов предприятий. Подтягивать отстающих, помогать им — вот одна из основных заповедей разведчиков, пионеров будущего, как справедливо называют у нас ударников и коллективы коммунистического труда. Ты работаешь хорошо, а твой товарищ отстаёт — помоги ему, научи, сделай так, чтобы он работал не хуже тебя.

На Всесоюзном совещании передовиков со-

ренования за звание ударников и бригад коммунистического труда товарищ Хрущев говорил: «Партия, народ видят в вас новаторов, потому что все, что вы сегодня завоевали, все рубили, которое вы сегодня достигли, вы стремитесь завтра передать другим. В этом ваша сила, в этом ваша слава».

Это совещание разрешило многие вопросы, которые волновали участников движения за коммунистический труд. Оно зарило большие удачи, которые были достигнуты участниками соревнования коллективов коммунистического труда.

Оно стало поворотным пунктом в его дальнейшего развития. И не случайно за полгода, прошедшее со времени Всесоюзного совещания, в ряды участников славного патристического движения вступило около трех миллионов человек.

Соревнование за коммунистический труд обогащается все новыми формами. Оно удермимо разрастается выше и глубже — настоящее полюдье высоких творческих устремлений, трудового героизма, самоотверженности. За право называть свой труд коммунистическим стали бороться работники конструкторских бюро, торговых предприятий, органов здравоохранения.

По инициативе комсомольцев Севастополя в стране развернулось соревнование за превращение наших городов в города высокопроизводительного труда, высокой культуры и образцового общественного порядка. Примеру севастопольцев последовали Омск и Котлаяр, Ермак и Уставы, Невит-Дат и Черновцы, многие другие города и рабочие поселки.

Отдых, учеба, быт становится делом коллектива. Каждый комсомолец, каждый молодой человек все больше чувствует ответственность за полезный и увлекательный отдых своих товарищей, за их высокую культуру, за широту их кругозора.

В условиях развернутого строительства коммунизма удивительно быстро вырастает новый человек — грамотный, культурный, человек замечательных душевных качеств. Этот человек чувствует себя хозяином страны, чувствует себя ответственным за любое дело своего государства.

Владимир Ильич Ленин учил: «вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек в человека настоящего коммуниста. Только в том случае, если он этой работой сумеет достигнуть практических успехов, он становится коммунистом».

Росту коммунизма... Цели без отдела технического контроля, магазинов без продавцов, кинотеатры без контролеров, троллейбусы без кондукторов — вот они, первые приметы коммунистического будущего, первые вестники нашего завтра!

Одним из условий успешного коммунистического строительства является прочный и надежный мир на земле. Наша партия, народ наш всегда твердо отстаивали мир без войны, мир без оружия, мир с позиций мира. Никто на земле не сделал так много для укрепления мира, для ликвидации военной опасности, как наша партия, наше правительство во главе с Н. С. Хрущевым. Не бороться против войны — значит совершать тяжкое преступление перед людьми, перед историей. Это было и будет логикой настоящего советского человека, законом его деятельности.

«Мы убеждены», — говорит Н. С. Хрущев, — что все человечество придет к социализму, коммунизму, к такому гармоничному обществу, которое не будет иметь антагонистических классов и будет основано на самом гуманном принципе — человек человеку друг и брат».

Разоружение, ликвидация колониализма, дружба и сотрудничество между народами... Все это — инициатива нашего народа, нашей партии.

Наша молодежь поддерживает и горячо одобряет мирную политику Коммунистической партии и Советского правительства. Она заявляет, что будет с еще большей энергией крепить силу и могущество родной страны. И эти свои слова молодежи подкрепляет замечательными делами, ежедневно совершая новые трудовые подвиги во имя счастья своего народа, во имя коммунизма.

Дорогие товарищи!

Узнаю о рождении в вашем коллективе бригад коммунистического труда, я испытала какую-то особую радость.

Ведь именно в вашем деле Москва-Сортировка в 1919 году я участвовала в первом субботнике. Это была поход молодых энтузиастов, горевших желанием взять в свои руки хозяйство молодого Советского государства.

И вот на первом субботнике мы расчищали железнооборонные пути от лома, ликушка, шпала. Мы не ушли домой, пока не привели дело в полный порядок.

Нас согревала мысль о том, что на субботнике в Кремле работает Ленин.

Мы не добивались ни славы, ни оденной, не добивались никаких материальных вознаграждений, хотя жили на воде и хлебе, которого никогда не ели вдоволь.

Участниками первого субботника в вашем деле руководила идея борьбы за лучшее будущее народа. Этой идее мы подчинили потом всю свою жизнь.

И вот сейчас, когда вы поднимали знамя коммунистического труда, передо мной снова воскресли лица первых энтузиастов — участников евельского похода.

Поэтому я не могла удержаться, чтобы не написать вам несколько строк о том, какое большое,

серьезное дело началось у вас в борьбе за счастье всего человечества, за воспитание молодежи в духе коммунизма.

И хочется мне выказать вам несколько пожеланий.

Во-первых, поднимать всю свою деятельность, жизнь и поведенческие идеи борьбы за коммунизм.

Во-вторых, сохранить свою молодость до конца жизни.

В-третьих, непрестанно расти духовно, изучать философию марксизма-ленинизма, учиться до конца жизни. Лично я, всю жизнь работая, училась. Педагогический вуз я окончила, когда мне было 39 лет. А сейчас я учусь в университете марксизма-ленинизма, не считая на свои 65 лет.

Учиться не поздно и всегда необходимо, если хочешь быть борцом.

В-четвертых, воспитывать в себе коммунистические черты характера: смелость, мужество, честность, правдивость, скромность, великодушие, настойчивость, стойкость, принципиальность, коллективизм, выдержку, силу воли.

Желаю вам успехов в вашей благородной работе и коммунистической жизни.

Искренне уважающая вас КОЛОМИЕНКО-НАРИКА, персональная пенсионерка, член КПСС с августа 1917 года, г. Симферополь.

Солдатский привет от воинов Каспийской флотилии!

Мы от всего сердца поддерживаем ваши замечательный почин — создание бригад коммунистического труда.

Вы же производите, а мы в армию будем вместе крепить могущество нашей любимой Родины! Вместе с народом, в одном строю мы, воины, идем к светлому будущему нашей Родины, к коммунизму нашей родной Коммунистической партии.

От всего сердца желаем вам успехов в работе!

Радовье А. ШАПОВАЛОВ, И. КУЛИШЕНКО,

г. Вакну.

Дорогие советские товарищи!

Мы, члены молодежной рабочей бригады литейщиков, носящей имя Тибора Шамуэля, первые получили знания социалистической бригады.

Мы приветствуем вас на первом социалистического города нашей страны — Сталинграде. Мы хотим идти по вашим следам, чтобы потом, после победы социализма, плеском в плечу шло с вами вперед по пути строительства коммунизма.

Мы перенимаем ваши методы и опыт, которые помогут нам в успешном достижении нашей общенной цели.

С товарищеским приветом.

Молодежная социалистическая рабочая бригада имени Тибора Шамуэля.

Венгрия, г. Сталинварош.

МОСКВА-СОТРИРОВОЧНАЯ



Дело Москва-Сотривочная — колыбель великого почина. Здесь в 1919 году был проведен первый коммунистический субботник, вскопавший всю страну. Именно здесь почти сорян лет спустя у комсомольцев родилась мысль о создании бригад коммунистического труда. У будущей идеи — негустая прелесть. Со всех концов нашей Родины, из-за рубежа летят письма в дело Москва-Сотривочная. Сегодня мы печатаем некоторые из этих писем.

Дорогие друзья-товарищи!

Вашему славному почину последовали и мы, нефтяники бригады № 2 Арчединского нефтепромысла Сталинградской области.

Ваша инициатива указывает пути коммунистического воспитания человека, способствует его духовному развитию.

Мы знаем, что коллектив дело Москва-Сотривочная еще в 1919 году своим первым починком способствовал изменению взглядов многих людей на труд. Он положил начало победы над прошлым.

От всего сердца мы желаем вам успехов в ваших благородных начинаниях! Мы решили обменяться с вами опытом работы. С радостью и благодарностью используем вашу совете.

По поручению собрания членов бригады: ДАВЫДОВ — мастер, ФИРИЛЛОВ — группарторг, МАЛУШКИН — группарторг, МАКАРОВА — комсорг, МОРОДИВИЦЕВ — ст. оператор.

Дорогие мош!

Ваш подвиг родился, как и всегда у советских людей, скромно, без фейерверка трескучих фраз. Народ мужежно поддержал этот подвиг, расширил и развил его. И потекла мощная река народной инициативы!

Почему идея создания коммунистических бригад пришла всем нам по сердцу? Потому, что они позволяют решить сразу две важные задачи, выдвинутые XXI съездом КПСС: скорейшее построение материально-технической базы коммунизма и, что не менее важно, резко повышают сознательность миллионов масс.

Мы живем в эпоху высокоразвитой техники. Человек, осваивающий эту технику, может творить чудеса, а دستия раз повышает производительность своего труда. Нам, рабочим, нужно как можно скорее научиться управлять машинами, то есть стать технически грамотными, культурными людьми. А для этого нужны знания, знания и еще раз знания. В одном из пунктов своего постановления вы обязуе-

тес в течение 3—5 лет добиться того, чтобы каждый рабочий получил среднее или средне-техническое образование, овладел несколькими специальностями, стал мастером своего дела. Это пример, достойный подражания.

Советский рабочий отличается от любого рабочего капиталистической страны своей высокой политической сознательностью, партийностью, культурой. Ваше желание бороться со всеми пережитками прошлого в сознании людей, ваше стремление в труде и в быту гордо нести имя строителя коммунизма еще выше поднимают нашего человека.

Славные наследники прекрасных революционных традиций старшего поколения рабочего класса! И горько сожалеем вас с тем, что именно вы в числе первых подняли знамя борьбы за превращение труда в пошлотно коммунистический!

А. УЛЕСОВ, электросварщик, дважды Герой Социалистического Труда

Друзья!

От одного поколения к другому передаются славные традиции комсомола — горько отключаться на зов Родины, быть там, где трудно, в любой деле проявлять инициативу, во всем следовать за партией, быть ее верным, надежным помощником. Так говорится в комсомольской путевке, с которой мы пришли на строительство Большого Гаа.

С начала строительства прошла год с небольшим. Но многое изменилось в Гае. Вырос поселок, а с ним и люди. На счету у гайских строителей уже немало побед. Это их руками на 24 часа 35 минут

раньше правительственного срока была сдана линия электропередачи Ирикля—Гай. Это их руками был сдан на месяц раньше водовод Урал—Гай. Это они продолжили железнодорожную ветку Круторожкино—Гай тоже раньше срока. Это их руками было сдано 22735 квадратных метров жилья. Это благодаря их героизму страна получила медь равным наименованию срока. Сделано много, но многое еще предстоит сделать.

До конца 1960 года строители сдадут жителям поселка еще одну школу, столовую, больничный городок, клуб и 30 тысяч метров жилья. И здесь в первых рядах

идут комсомольцы и молодежь! В нашем городе хорошо знают наш гайский поэт Володя Андрианов:

Он вырастет, город чудесный,
О нем будут слышаться песни,
О людях степного Гаа
Планы будут писать.

Дорогие друзья! Мы очень хотим переписываться с вами, хотим знать о вашей работе, жизни, о планах на будущее; мы расскажем вам и о своем опыте работы.

Комсомольский штаб Гайского горнообогатительного комбината

ЕЩЕ РАЗ О КЛАВЕ И НИНЕ

Г. АНЗИМИРОВ

Фото Г. Дубинского.



«НИКОЛАЙ ГАРМАШ ДО АРМИИ ОН УЖЕ БЕЛ СТРОИТЕЛЕМ РАБОТАЛ В ДОНБАССЕ. ШАХТЫ СТРОИЛ ДО КОМСОМОЛЬСКОЙ ПУТЕЖЕ. ОТСЛУЖИЛ, И СНОВА ПОТРЕБИЛО ЕГО НА СТРОЙКУ. НЕДАВНО ПРИШЕЛ РАДОСТНЫМ ГОВОРИТ МНЕ: «СДАЛ Я КЛАВА ЭКЗАМЕНЫ В ЗАПОДНУЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ АКАДЕМИЮ».



СМЕНА 12



Прежде всего, кто такие Клава и Нина. Для тех, кто не читал № 12 нашего журнала, в котором был опубликован фоточерч об этих девушках, кратко расскажем их историю.

Клава Лысенко живет в Чернигове. Она строитель, арматурщица. Участвует в сооружении одного из крупнейших в нашей стране заводов синтетического волокна. Нина Глазунова — ленинградка. Она трудится на швейной фабрике имени Володарского. А подружились девушки в Москве.

Это было в те дни, когда в Кремлевском дворце собралась разведочная коммунистического завтра. Они приехали сюда, чтобы оглянувшись на прошедное, вместе с руководителями партии и правительства наметить дальнейший путь вперед.

Среди участниц Весеннего совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда были Клава Лысенко и Нина Глазунова. Их места в зале оказались рядом, и, как это очень часто бывает, девушек сперва разговорились, потом, узнав, что живут они в одной гостинице, решили вместе осматривать Москву. Любуясь столицей, бродя по музеям, выставкам, девушкам а то же время рассказывали друг другу о своих делах, работе, учебе...

РОЖДАЕТСЯ
В ЖИЗНИ
КНИЖНОЕ

КНИГИ
ПРОДАЮТСЯ
В ЦЕХАХ

Как-то в Ленинградском книготопре решили выяснить, забот ли на заводе книги, стремятся ли приобрести ее. Выбрали большой завод — «Светлану» — и обратились к комсомольцам с просьбой сообщить, кто из рабочих имеет свою личную библиотеку.

Эта история на первый взгляд просьба оказалась невыполнимой. Для того, чтобы составить списки владельцев личных библиотек, надо бы пере-

писать весь многотысячный коллектив завода. На «Светлане» почти у каждого домашняя библиотека.

В конце 1966 года расположенный неподалеку от завода книжный магазин попросил заводскую общественность оказать ему содействие в проведении книжных базаров непосредственно в цехах.

Предложение было заманчивым. Зачем терять время на посещение магазина, если можно купить книгу, не выходя из цеха? А в том, что сметаноюдам книги нужны, никто не сомневался. На заводе есть своя вечерняя школа, многие рабочие учатся в электровозуному техникуме, на заочных и вечерних факультетах институтов. Книги были нужны!

Смуцало другое: выйдут ли продавцы-добровольцы? Ведь никакой платы за этот труд они не получают! Однако опасения были напрасны. Добровольцев

«НАША ФАБРИКА, КАК ТБЕЕ ИЗВЕСТНО, НЕ СОЗДАЕТ ТУРБИНЫ И ПОДЪЕМНЫХ КРАНОВ МЫ ПЬЕМ ОДЕЖДУ. А ЭТО ТОЖЕ НЕ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО. МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ ОДЕЖДА ДОСТАВЛЯЛА ЛЮДЯМ РАДОСТЬ».



«ПО СРАВНЕНИЮ С ПРОШЛЫМ ГОДОМ, КОГДА МЫ НАЧИНАЛИ БОРЬБУ ЗА ЗНАНИЕ БРИГАДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, НАШ КОЛЛЕКТИВ СТАЛ КУДА БОЛЕЕ СИЛОЧНЫМ И БУДЬТЕ МНЕ ДРУЖИМ!»

Обо всем этом и шла речь в фотоочерке, опубликованном в двенадцатом номере «Смеяны».

Окончилось совещание. Открытые встречи с руководителями государства, выступлением Никиты Сергеевича Хрущева, обогащенные новым опытом, полные новых сил, с горячим стремлением еще лучше трудиться и жить раздвинули участники совещания по своим городам и селам.

Растались и наши подруги. И кто знает, доведется ли бы нам еще раз свидеться с ними, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что спустя некоторое время в редакцию стали поступать письма. Наши читатели из самых различных уголков страны — Красноярск и Одесса, Горького и Пскова, Алма-Аты и Архангельска — спрашивали: как сложилась дальнейшая жизнь этих двух девушек? Что нового в их работе!

Впрочем, нет ничего удивительного в том, что судьба Клавии Лысенко и Нины Глазуновой, судьба двух обыкновенных девчат, привлекла внимание многих людей. Ведь за теми, кто решил жить и трудиться по-коммунистически, за их успехами и достижениями внимательно следят вся страна!

оказалось вполне достаточно. И торговля началась.

Книжные базары в целях завода стали традиционными. Но очень скоро они перестали удовлетворять читателей. Дело в том, что трудно было проводить базары чаще двух раз в месяц. А потребности в книгах постоянны.

Тогда и родилась на «Светлане» новая форма книжной торговли — общественное книгохранилище. Их числа любителей книг отобразили наиболее энергичных. За них заключены ближайший книжный магазин. Книгогоноши получают в нем литературу, а потом продают ее своим товарищам. Делают, правда, это не сразу. Сначала знакомятся с ней сами: ведь важно не только продать много книг, но и подобрать для каждого нужную и полезную литературу.

Один, скажем, занимается в школе рабочей молодежи — ему необходимыми

учебники. Другой увлекается футболом (есть и такие книги).

Книгогоноши (а их на заводе sempre стал) выбрали совет думцы книги. В него вошли монтажница Римма Новикова, контролер Валентина Сушинская, мастер Геннадий Скоколытин, инженер Георгий Давыдов и другие. Председателем совета стала техник-конструктор Зоя Цеткова. Теперь все деятельность книгонош направляет совет. Он и подбирает их.

Хочется привести одну цифру. В прошлом году число проданных на «Светлане» книг достигло 115 тысяч экземпляров! А рабочие изо дня в день требуют все новых и новых книг.

Сначала книгогоноши принимали заказы от отдельных покупателей. Но их стало со временем так много, что решили направлять заказы на книжный магазин, а крупным издате-

Итак, сами читатели наместили маршрут нашей комсомолки: Чернигов—Ленинград.

...Разискать человека на огромной, растянувшейся на несколько километров строительной площадке завода синтетического волокна оказалось делом нелегким. Тем более, что людей на объектах вообще немного. Вместо них повсюду четко орутуют краны, механизмы. То тут, то там всплывают голубые языки сварки.

— Зайдите в комсомольский штаб,— посоветовали нам.— Там обязательно помогут.

Кстати, в дальнейшем нам не раз приходилось слышать на стройке слова «комсомольский штаб» в сочетании с «обязательно помогут».

Мы отыскали дверь с табличкой «штаб», открыли ее и... сразу оказались в стремительном водовороте важнейших дел, вопросов, проблем, которыми жила в тот день ударная комсомольская стройка.

Это очередное заседание. Штаб обсуждал три вопроса: работу автобазы Киевского совнархоза, обслуживающей стройку, ремонтно-механического завода и столовой. В комнате, кроме штаба, сидели главный инженер завода железобетонных изделий, директор автобазы, директор ремонтно-механического завода.

«Советскому писателю» — на художественную литературу, Госкомиздату — на техническую. Завод заявил, что он готов купить в издательстве «Молодая гвардия» книг на 118 тысяч рублей.

Как-то директор предприятия сжался об одной работнице!

— Есть у нас Таяя Артамонова, скромная, незаметная девушка. Теперь ее знает и ценит весь завод. Да и как не знать! Таяя Артамоновой, Риммы Новиковой и многих других юношей и девушек, если они одних приходили к чтению, а другим увеличивали число верных друзей — любимых книг! Ведь только одна Римма в минувшем году распродала более 9 тысяч книг!

...Вот почему у каждого заводчанки свой домашний библиотечка.

Н. ЕРМОЛОВИЧ

г. Ленинград.

Обсуждение шло на самом высоком уровне. Тут же совместно было решено, какие меры следует принять для устранения недочетов, какую помощь могут оказать комсомольцы.

Она сидела в этой же комнате и принимала самое непосредственное участие в обсуждении. Но едва окончилось совещание, девушка затормозилась.

— Вы уж извините, но у нашей бригады срочное задание. Готовимся к зиме. Сегодня будем работать допоздна. А вечером в отчете на все наши вопросы. Впрочем,— она порылась в кармашке и вынула какой-то конверт,— вот письмо. Это я Нине на днях написала. Может быть, оно вам поможет!

Вот как получилось, что вместо рассказа о Клавии и ее жизни мы, с разрешения автора, публикуем это письмо.

Иничка, здравствуй!

Знаешь, дорогая, что до сих пор не собралась написать тебе подробного письма, о своем бытии-быть. У нас с тех пор, как мы с тобой расстались, произошло много интересного. Прежде всего бригаде — а ты ведь (я имену в виду дева строителя) присвоила звание комсомольца ударного рабочего.

За последние время и нас в бригаду пришло много очень хорошей молодежи, такой заборной и такой веселой, что с ней легко работать и отдыхать. Вот хоти бы Люд Феофаня. На стройке, поспрашиваясь, обмениваясь рабочим, а платие, рюшачках, выдавших виды (мы ведь не в лаборатории). Я даже сперва не поверила, когда узнала, что наша Людя студентка 4-го курса института иностранных языков. Когда в Киев приехал международный конгресс фининой, она работала на нем переводчицей. А потом нам ни в чем не было вернуться на стройку и снова пришлось выдать арматуру на главному морузе.

Или Николай Гаврилов. Во армии он уже был строителем, работал в Донбассе, шахты строил по комсомольской путевке. Отслужил — и снова потянуло его на стройку. У нас он работает плотником. Недавно пришел радостным: слая, говорит, выдался — в засучию сельхозколлективистам.

Хочется рассказать и про нашу ниночку не упоминающую Иру Ушакову. Ее мечта — стать энтиской. Она все свободное время пропадает в драмкружке, на репетициях. Летом, правда, ей не повезло: на озвещении, что в театральное училище не прошла по вокалу. Расстроилась, конечно. Но мы, как обычно, не отчаивались и не стоим; на будущий год можно еще раз попробовать. А мы от бригады танго писано наткну на привлекательности, что там обязательно учтут все и примут нашу Иру. Ведь самое главное — очень хотеть, и тогда непременно добьешься своего. Конечно, товарищи всегда должны помогать тебе, кому трудно. Был у нас однажды такой случай.

Знают как-то из котормы. «Забрите,— говорю — из редакции котормы».

«Кан так забрите?» — удивились мы. Всем было известно, что Настя Ютуня замужем. Почему же нас, и не мужу забрите! Потом выяснилось, что наша подружка попала в беду и сирывала это до нас: обманула ее отец, ребенок. Пожелали мы в построенной, достали машину. Подарили мучили. Поддержали, человека нормально и издала котормы. Сейчас Настя снова вместе с нами.

Теперь, конечно, интереснее, как мы работаем. Прежде всего ежемесячно выполняем задания на 130—150 процентов. По сравнению с прошлым годом, когда мы начинали, борются за

звание бригады коммунистического труда, наш коллектив стал куда более сплоченным и дружным.

Не думаю, что у нас всегда все идет хорошо и гладко. Конечно, нет. Но важно, по-моему, другое. Исправить недостатки, помогают все до единого. Тому, кто не прав, попадают не столько от бригады, сколько от нас. Монет, потому нарушений у нас очень мало. Видны, я надеюсь, уже начинаю хвастаться. Очень хороши у нас бригады Аркадий Крапов. Все успевает делать и в институте учился, и с нами здесь, остается во вторую смену. Где трудю, там и он.

О себе писать почти нечего. За три года два ездила на республиканские соревнования. Два раза по гребле и один — по легкой атлетике. Это была первая республиканская спартакиада ударных комсомольских строев. Наша команда заняла четвертое место среди 12 коллективов. Неплохое начало.

Скоро я и многие мои друзья по бригаде пойдут в техническое училище. Хотим работать на комбинате, который сейчас строит. Правда, дороговато! Сами строим и сами работать будем.

Теперь готововсе ответить на мои вопросы. Как трудится ваша бригада? Как учеба? Не вышла ли замуж? Пиши обо всем и не забудь передать привет твоим подругам от меня и от всей нашей бригады.

До свидания.

Клавя Лысенко.

С этим письмом мы и отправились в Ленинград. Узнать, что пишет Нинна черниговская подруга, собралась вся бригада. Тут же был написан ответ. Вот он.

Привет, дорогая Клавя!

Очень рада твоему письму. Читала его всей бригадой. Прежде всего отвечаю на твои вопросы.

Наша фабрика, как тебе известно, не создает турбин и подземных кранов. Мы шьем одежду. А это тоже не последнее дело. Мы хотим, чтобы одеяла доставляли людям радость, чтобы носить ее было сплошным удовольствием. Ты же по себе знаешь, как поднимается настроение, когда на тебе красивая вещь.

Но обо всем по порядку. Когда мы решили соревноваться за звание бригады коммунистического труда — это было два года назад. — Кое-то испугались: а не осканится ли? Но мы решили заранее все рассчитать, во всем разоспаться. По вечерам сидели вместе с экономистами, вновь и вновь прикидывали. Вышло у нас, что семилетку мы можем выполнить за 3 года. Для этого надо каждый день выдвигать не менее 120 процентов.

Наша фабрика — это современное швейное производство с новаторской, с сотнями умелых механизмов. Они облегчают труд на самых кропотливых и утомительных операциях. Наш цех от края до края залит сиянием ламп днев-

ного света. На улицах — снег, мороз, а у нас — будто летнее солнце над головой.

Мы шьем мужские пальто. Приносят нам бригады, а мы сразу готовимые вещи — кофты, шапки и юбки сразу гуляют. За 7 часов наша бригада может изготовить 16 пальто. Это не так уж мало. Ведь чтобы сшить одно пальто, надо проделать в среднем 150 операций. Тут нужна строгая согласованность. Один человек может задержать всех. Вот мы и находимся с тем, что решаются нацелиться только и только заменить товарища. Другими словами, сейчас мы делаем операции.

С тех пор мы всегда помогаем друг другу, объясним и покажем, нам лучше и быстрее выполняем порученное дело. А ты помнишь, Клавя, что это возможно лишь тогда, когда в бригаде хороша дружба.

Но спорить — это еще не все. Не менее важно качество. Я не знаю, испытывать ли волнение, например, рабочий автомобильного завода, увидев на улице новенькую «Волгу», сделанную его руками. Зато я хорошо знаю, что все мы очень любим встречать на улице человека в нашем пальто. Всегда приятно посмотреть на свою работу.

Были у нас раньше неприятные случаи: то пятно, то ниточка, посядет на ткань, то подвалит зацепит. Сейчас все это ушло в прошлое. Работаем мы под контролем ОТК. У нашего мастера Александра Ивановна Зувель свой штифт. А если говорить о качестве наших пальто, можно привести такой случай.

Знали мы одного паренька (и фамилию его не буду называть), который любил удивлять своих знакомых чем-нибудь сверхдлинным. То пригласит в гостине с оранжовыми плавниками, то щеголет в коротеньком рубашке-распашонке. Мы особенно не обращали внимания на пристрастие нашего знакомого и заграничных вещей. Пусть себе фасонит, раз у человека такая слабость в характере. Парень он был, в общем, человек, работал в торговом флоте конструктор, учился в школе рабочей молодежи. Однажды пришел он в наш фабричный клуб на танцы в модном спортивном пальто. Мы, конечно, сразу узнали свое детство. И вот этот парень, небрежно так говорит: «Пальтишко купил за границей. Ничего шьют, не то, что у нас...»

Ой, Клавя, что тут было! Наши девочки расстегнули на нем пальто и прямо в нос ему вывалили. Бригадане пришел он в наш фабричный маршут-Глашвейтрон, ф-на имени Волларского». Так посрамил мы этого любителя заграничных товаров.

Клавя, нам всем очень понравился твой слова о дружбе и товариществе. Крими рассказать нам о том, что и мы хотим дружить, всегда готовы помочь друг другу.

Приходит замку на работу Вера Назарова, а у самой глаза заплаканные. Что там? Вера недавно жандо вышла, и яруг — на тебе — оназалось, что ее мачеха не хочет пускать в дом Верного мужа.

Мы сразу же вмешались. Стали хлопотать, доказывать — ничего не помогает. Дело шло до суда. Всей бригадой пришли мы на заседа-

ние. А мастер наш Александр Ивановна целую речь произнесла в защиту Вери. Она у нас тоже молодец, Александра Ивановна — член партии, депутат. Веру мы в обиду не дадим.

Сейчас основанев новые виды материи. Скоро нам будет надо нашить на них пальто. У фабрики налажена связь с магазинами, мы внимательно следим за мнением покупателей о нашей продукции.

В нашей бригаде тоже все учатся, почти у каждого уже десятков лет за плечами. Мы часто бываем друг у друга в гостях, ходим в музеи, на выставки. В лиги винтахов ходит от фабрики располоченные спортивщицы Звонкова, за десять минут астрологи догадываются о Публичной библиотеки.

Ну, а зрелище я пока не вышла. Думаю сперва окончить учебу.

Вот верду и все. Наши девчонки шлют тебе и твоим друзьям по бригаде огромные привет.

Нина Глазунова.

Среди многих поминисте исторических событий, которыми так щедро отмечен уходящий 1960 год, молодежь нашей страны с гордостью называет Всесоюзное совещание передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. Яркая речь Никиты Сергеевича Хрущева на этом совещании пролила свет не многие вопросы, которые в те дни волновали комсомольцев: как должно развиваться дальше движение передовиков коммунистического труда, как жить и работать там, кто уже завоевал это почетное звание... Встреча с руководителями партии и государства помогла найти правильные ответы на эти и многие другие вопросы.

Взять хотя бы бригады, в которых трудятся Клавя Лысенко и Нина Глазунова. За время, прошедшее после совещания в Кремле, они многого добились. Это видно прежде всего по самим людям. Они выросли духовно, шире по-государственному смотрят на жизнь.

Говорят, что маленькая капля способна отразить целый мир. Думаешь, что через жизнь двух бригад, двух коллективов в огромном бурном потоке, с которым часто сравнивают движение передовиков коммунистического труда, можно увидеть огромный, светлый, радостный мир. Мир нашего завтра, путь в который самоотверженно прокладывают Клавя Лысенко, Нина Глазунова и миллионы тех же, как и они, обыкновенных советских парней и девчат.

«В НАШЕЙ БРИГАДЕ ТОМЕ ВСЕ УЧАТСЯ, ПОЧТИ У КАЖДОГО УЖЕ ДЕСЯТКИ ЛЕТ ЗА ПЛЕЧАМИ. МЫ ЧАСТО БЫВАЕМ ДРУГ У ДРУГА В ГОСТЯХ, ХОДИМ В МУЗЕЙ, НА ВЫСТАВКИ.»

ВСТЕПНЕНИЕ

орода бывают разные. Большие и маленькие. Известные и неизвестные. Есть такие, что повстречаются в каждой радиосеуде, о которых знает даже уличный мальчишка, получивший дайджест по географии. И есть такие, что не отыщешь на карте.

Коста, со своей стороны, был твердо уверен, что это далеко не безразлично, в каком городе, постоющему менять трудовую жизнь. Возвращаясь домой из армии, он проверял степень своей готовности: Мамакан, Тайшет, Братск... Получилось же все никак. Районы комсомольца направляли в Сибирь, а совсем рукой подать от дома. Было досадно. Годовался к дальнему пути, а тут на тебе, слезая с поезда на четвертой остановке.

Коста сидел на козальном крыльце и в ожидании автобуса кричал одну за другой сигареты. Перед ним в вечерней синеве расплывался город Волковский. Что можно делать в городе с таким названием? Коста злился. В районе особенно не распространялись: «Реконструкция цементного завода. Очень важно. Комсомольская ударная стройка. Цементный хайб стрелострелов. «Районовская» все кажется важными», — подумал Коста, разглядывая маленькие, чистенькие домики, прорезавшиеся сквозь синеву.

Смаленная девушка в теплом махляном платке скользящая в вокзал, за любовностью глянув на махлянное Костино лицо. Коста мысленно тоже посмотрел на себя. Что это за человек, рассуждая совсем счастливо, ах, ступенька!

Родители его до воссоединения Западной Белоруссии с СССР багтрачили на панов. Костю тогда детство совпало с войной. Потом школа, работа в колхозе, армия. Не сделал он еще в жизни такого, с чего можно начинать биографию. А очень хотелось сделать что-нибудь значительное, чтобы люди узнали. Конечно, было что-то не совсем хорошее в этом, чтобы люди узнали. Но не мог пока Коста без этого.

От города подкатывались волны томительного аромата распущающихся почек. Коста затоптал ледяной окурки и, подхватив последний чмокающий, двинулся к подхождившему автобусу.

— Эй, тебе... ворон считать! — Такого я руга не помню, толкнула Костю в плечо. Бадья с цементом прогророхла над головой. — Думал, сам бадью прошобив, чи у тебя голова зависаа у domu еста?

— К чему глывахься? — Коста свердато стряхивал глну по штеревому ресничкам, а гласос, ему не понравилос. «Правильн, видно, и о себе много понимает». Белые оленята, густо прыгавшие по сивтеру бывшего Матросса, тоже не нравились. — Пильчу развалит тут... ка на ширтос, мальница! — Не кашу варим, — откликнулся Обладатель клешей.

— Неужто он мне жиня спася? — подумал Коста и пошла прочь, ступая в эдак хвосте земли, жезла и цемента хоть какой-нибудь смис, организацию. Ничего такого не было. «Черт меня занес в это бесполокшину. Это тебе не

Братск... Первое желание было — обратно, в вокзал. — Эй, парень, — Костин спаситель махал издалека рукой, — только до вокзала не бегай, обожди! Меня Степанюком зовут. Если что с общежитием, найди меня.

Он разошлись, недолюбящие друг другом, не подозревая, сколько хороших дел предостан им совершить вместе и как сдружат их это стремление делать все хорошо.

Прошло месяца три, и Коста понял, что у «козас» есть не только начертание и конец, но и болящая, вполне определенная цель. Работать так, чтобы не видеть дельца своего колована, не хотелос. Однажды, когда строители зарогали на травке у обывающей России, Коста подвел местный мальчуган, заведгадья россинского «пльжак».

— Дядя, а дядя! Кто это был? Пильवेश, закрывши глаза, под водой, и все чуется, смас завод, крошь глаза — дышать легче... — Надо всегда с открытыми глазами плавать, — наставительно и лениво ответил Коста. И вдруг, напорозив на какую-то мысль, добавлял с непонятной решимостью:

— Только с открытыми глазами, плавай всегда с открытыми. — И сдз отдавался. Толкнув дверь с табличкой «Комсомольский штаб стройки», Коста сказал:

— Хочу видеть как есть план строительства! И только потом увидел, что за столом, зумляясь светлыми глазами, сидит Степанюк, парень в клешах.

— Сам зашел? Добро. А в тут секретарство. Это ты насчет арматуры скандалил? Чего мнешья? Правильно скандалил. А я думаю, что за Костя такой! Садись, буду тебе по порядку все про строение и наши задачи объяснять. К пильто прива!

Еще через месач Коста выгнали в комсомольский комитет стройки, а потом в штаб. Его участием стало плечо отделение.

Сидя, похлопывая рукавчиками, топтался по проходной. За окномем с черного, как мазут, неба тихо сыпался снежок. И вдруг снег стал кровавым...

— Комариш-светлы! Пожар! Люди там! — Заперев заводскую дверь, старик кинулся к печному отделению. Там, крутя свижную пильбу, свишенную с цементом и шелью, зодил морозный, пронизывающий ветер. По всей площадке коржился зловещие языки пламени, в свете которых копошились рабочие.

— Чего ж это зробили, чертяти! Этак завод все спалить — пуксти. После расклебайи... Дед опасливо косился на бочки с соляркой, из которых летело жаркое, вевелое пламя.

— Это, братя, не пожар, а радионализация. — Русый рабочий с застенчивым лицом и изыеденными цементом пальцами кинуил в темноту. — Чобы он скорее застыл... Кто?

— Та ботен. Природу горючим. Ясно? Залем опалулку и сушиим соляркой, чобь скорее.

— Куда ж больше спешить! Вон ты и так мажорный весь с этого спелу!

— Какой ты отсталый, дед, как в кино! — разолился русый. — Нам нельзя ждать милостей от природы...

— Милости вам точно не надо, — по-своему понял его сторож и, проникиши доверием к огнедышащей печке, уселся в сторожке: — Заем вам милости! Это смислю явилос. Старую-то корпус, сказать, еще при Эгере-поляке строилис. Долго строилис. Кому охота на Эгера спешить? А я все дивчелос: и день вы робите и ночь. Стало, ударные комсомольцы!

— Ты бы шел, бадя, а то неровен как трубу сташат.

— Ягу трубку? — Да ту, — Коста показал на шелью-двустамитровую заводскую трубу, чак могучие очертания свлялись с темнотой. Старик замалхал руками, но ушел.

У ад столом склонились поглядывать пль человек. Комсомольский штаб был в полном сборе. И чего, спрашивается, было сидеть бить час, если и так всем ясно, что смислю прорывное комсомолцентратор? Но сидели потому, что нужно было решить, как все-таки быть с этими концентраторами, китрым новшеством, которое и инженерно-то ставило в тупик. Шутка сказать, этакий шквал подогрела шлама в пятьдесят метров бетонной кладки и десятки тонн металлоконструкций! А стоять должны на восьми столбиках. Черт его знает, выдержат ли!

— Может, обойдётся, — правдолично кто-то. — Чего тревожь раньше времени подымать?

— А если не обойдётся? Суворов, австрия, говорил: сегодня смисать, завтра смисать — помилуй бога, а у-м-то гдье Умом надо действовать!

— Коста молчал, мучительно решая про себя: «Может, рискнуть, австрия! А согласен ли ребята? Ведь заробитки поначалу упадут, выработка снизится, может, по суткам работать придется. А ты-то сам, новоспеченный бригадир, как, не трусьши ли?»

Неожиданно посреди чьего-то выступления Коста встал и предложил:

— Давай, я на концентраторы... Руки, зажатые в карманах, протяжно похлопали.

По ночам ему смисля огромный бетонный мешок. В мешке случалос всякое. Но конец был всегда один. Мешок начинал трестись, как лютый щенок, «бегит, бегит» — без голоса кричал Коста ребатам. Но ни он не смилал. Громада рухала, и Коста вскакивал.

Перед бригадой он держался бодро, будто это жизнь только тем и занимался, что украл пльнату вот такими бетонными тяже-ловесами.

— А ну, как хрестит вся эта музика? — сомневался некоторые.

Коста свирепел: — Чертежи читали! — Так куда ей, Константин, на восьми лапах устоять?

— Устой! — «Устой!» — думал про себя и снова сам становился к вибратору, чобы не было в стенках концентратора ни единой трещинки.

— Эй, там, наверху! Начинаем подьем. Готова? — Давай! — крикнул Коста. Вверх пополало двадцатипяти-тонное колесо для обработки цементной смисы.

Что это констатики думают? — ругнулся Коста, разом сплотив. — Хорошо, сам концентратор держится. Куда же еще тяжесть такую!

Колесо легло на концентратор. Он стоял.

— Эй, наверху! Порядок! Голос был уверенный и дерзкий. Коста стало почему-то легче от этого уверенного голоса. Наверное, пошло второе колесо, такое же, как первое.

— Ребата! — Коста вытер шею кепкой и подовзал дежурных с ним комсомолцев. — Спускайся вниз. Тут порядок. Один справлос.

Теперь у концентратора остались он и тот голосистый внизу. — Слушай, наверху! Начинаем подьем!

Третье колесо пошло и кряпо подымалось метрового бетонного ящика, стоящего на кахках-то восьми ногах! Но голос внизу был такой уверенный, что Коста держался за него, как альпинист за веревку. Надо было, конечно, предупредить этого отважного внизу: пусть побережётся! Ведь если гронется сейчас эта машина, все разнесет. — Коста наклонился вниз, и его чуть не шибало четвертым колесом, подбравшимся к концентратору.

— Ну, выдержало! — Анатолий Пискунов, мастер страсных монтажных колесом, шагнул к спускающемуся

НЕОЖИДАННАЯ РАЗГАДКА

На молочной ферме колхоза «Восход» таинственно исчезли корма.

— Очень большой перераход, — сообщила мне председатель колхоза. — Без молока на двадцать тысяч рублей.

Что же это такое? Хищение?
Загадка явилась ревизионная комиссия. Она обнаружила перераход кормов и на совхозской ферме. Да похлеще, чем на молочной, — ровно вдвое против нормы!

Позже при встрече со специалистами учеником-кормовиком и рассказал о загадке в колхозе «Восход».

— Надон удивились? — спросил профессор. — Свиной откармливают не на сало, а на мясо?

И подтвердил.

— Вот и разгадка.

Профессор начал пояснять. Установлено, что для получения килограмма молока надо израсходовать примерно одну кормовую единицу. На килограмм привеса свинок требуется пять кормовых единиц. Таковы нормы.

В обычных кормах, состоящих главным образом из злаковых культур, в каждой кормовой единице содержится 50 — 60 граммов переваримого белка. Этого было достаточно для годовых надсвоя в 1 000 — 1 500 килограммов молока от коровы и для сального откорма свинок. Но теперь, при трехкратных надсвоях и мясным откорме животных, обычной белковой нормы уже не хватало. Чтобы восполнить эту недостачу, приходится расходовать почти вдвое больше кормов.

И сообщил председателю «Восхода» столь неожиданный разгадку.

— Вот это да! — изумился он. — Выходит, если будет больше белка, то на тех же кормах можно получить вдвое больше мяса и молока! — Он задумался и слабоинно промолвил: — А как его добыть, этот дополнительный белок?

ВЫГОДНЫЙ ИЖДВЕНЕЦ

Половды уже давно заняты такими поисками. Они первым делом обратились к вику. Вадь в кормовой единице вики — 173 грамма переваримого белка! Однако тот, кто бывает в волкозах и сокозах, знает: вики съел мало, еда-еда аватает на семена.

Давным-давно притягивают высокозольную смесь — на гектар высевают примерно 120 килограммов вики и 50 килограммов овса. Выходящая вика крепко обвивает стебли овса, и тот полегает. Овся ведь чуть не втрое мельшай! Но земля становится пушистой-перепутанная масса. Попробуй убрать такую поле комбайном! Не потому ли и стала вика столь дешевой?

И вот в Подмоковские провели интересный опыт.

На гектар высеяли не 120 килограммов вики, а только 40. Норму же высева овса увеличили. Теперь овса было в посевах чуть не вчетверо больше, и он не полегал. Зерновые комбайны отлично убрали поля.

В кормовой единице молотого овсяно-виконой смеси содержится не 77 граммов переваримого белка, как в чистой овсе, а 107! Выгодим оказался иждвенец!

Подмоковские хозяйства заимывают этот удивительный смысл во всевозможные выгоды очевидны. За счет такого резерва область получит дополнительно более 5 миллионов пудов концентратов! И это без лишней затрат на посев и уборку. Вот классический пример интенсификации ведения хозяйства без расширения посевов, дающие максимальное количество продукции с каждого гектара земли, то есть использование того пути, о котором на прошлогоднем декабрьском Пленуме ЦК КПСС говорил Н. С. Хрущев.

А если что, что делают в стальной об-

В январе 1961 г. начат свою работу очередная Пленум ЦК КПСС. Пленум обсудит вопрос о выполнении государственных планов и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов животноводства и растениеводства в 1960 году и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Решения пленума сыграют исключительную роль в борьбе нашего народа за новый подъем сельско-животноводческого производства, успешное выполнение заданий правительства по увеличению благостояния трудящихся. Вот почему в Пленуме ЦК КПСС славными трудовыми подвигами, выработкой новой Конституции нашей партии о новых успехах в создании изобилия продуктов питания в нашей стране и о развитии науки, техники и культуры нашей техникой, в решении научных проблем в области растениеводства и животноводства.

Один из важнейших вопросов дальнейшего развития животноводства — это создание прочной кормовой базы. Знать ли ты, благодаря чему можно сократить расход кормов почти наполовину? О том, как этого добиться, рассказывается в статье, которую мы публикуем сегодня.

Знаешь ли ты, как применять, скажем, на четырех с лишним миллионах гектарах осы в центральной черноземной полосе? Тогда получится дармовой урожай зерна, равный почти 60 миллионам пудов концентратов!

Интересно, что есть еще более благодарный изждвенец овса — пелюшка (бороздчатая гороха). А в северных областях черноземной полосы одновременно вырастает ячменно-пелюшковая смесь.

Установлено, что вика и пелюшка при помощи клубеньковых бактерий усваивают азот воздуха и часть его выделают в почву. Эту азот и используют сеюс — злак.

Но в таком случае, получая дополнительный азот — составную часть белка, — злаки должны больше накапливать его? Так оно и в в оловых массах овса — растении в смеси с виковой или гороховой, содержащие протеина (белковых веществ) увеличивается на 10 — 12 процентов. А в зерне еще больше — до 20 процентов!

Сейчас повсюду ставятся опыты. Сотня хозяйств Омской области попробовала посеять яровую пшеницу, ячменя, овса вместе с небольшой дозой гороха. Вышло! Новинку применили на Алтае, в Новосибирской области — опять удача! Начаты опыты по подкормке ранней озимой вики — этого злака — и совместно посеву озимой вики с озимой рожью.

МОЛОЧНАЯ ФЕРМА БЕЗ... СЕНА

...Скотом, молодой, свежий, сочный клевер, весь в кукурузных листьях. В них много белка — 150 — 200 граммов на кормовую единицу. Тут бы и косять. Но клевер слишком влажный. И жуд, пока он обсохнет. Тем временем листья грубеют, теряют белок. На косять травы косячили, стали сушить. Варгу — дождь! Вследствие высокой влажности травы в копны. Потом разгребают. И опять сваливаются, копят, снова гребут, воют, скирдуют. Листочки же, богатые белком, не выдерживают беспереносного терпения и «оседают». Остаются белок!

Значит, не избежать в сене огромных потерь белка?..

Но вот на подмоковских лугах Института кормовых вали да и косячили клевер с тимофеевкой в третьей декаде июня. Слово озимой пшеницы, высеяв, начал после этого складываться. В первой декаде августа его скосят во второй раз. А он опять пошел в рост. Тогда во второй декаде сентября провели третий укос.

В следующем году опыт снова повторили на том же участке. И опять сняли три укоса. А если бы не асушка, травы косячили бы и в четвертый раз. Вот тебе и одноукосный клевер!

Самое же интересное — при третьем укосе в клевере и тимофеевке оказалось ровно вдвое больше белковых веществ, чем в первом.

Ну как такое богатство терять в сене? Фуки не поднимались. Молодую, душистую, сочную траву заселили: в силосе потери белка незначительны.

Скажут: какой же это выход? Так можно без сена остаться.

На ферме института большую группу кормов действительно содержит без сена. Вот уж три года, как они и не ищут его. Едят себе силос из кукурузы и клевера с тимофеевкой — и ничего! Удой — около пяти тысяч...

ЧТО ДАЮТ ЛЕТНИЕ ПОСЕВЫ

При третьем укосе клевера оказалось явное больше белка. Заинтересовались странным явлением, ученые пришли к выводу, что большую роль играет здесь высота летнего сощлствования. В середине лета лучи солнца содержат большое количество ультрафиолетовых, фиолетовых и синих лучей. Они-то и преобразуют растения. Овес, например, выбрасывает необыкновенно длинные и длинные листья темно-зеленой окраски, которые содержат много белковых веществ. Значит, чтобы использовать это явление природы, надо сее... лето! На полях того же института попробовали посеять овес в конце июля. Сравнили результаты. В овсе обычного, весеннего посева было 15 процентов протеина, а летнего — вдвое больше!

Нет такого хозяйства в стране, где не выращивают ранний картофель, ранние овощи или зерновые на зеленую подкормку. Эти поля освобождаются как раз в июле. Потом они пустуют. Вот и надо занять их летними посевами кормовых смесей. Добавочный корма, столь богатый белками, придется на глукую осень, когда животные испытывают острую нужду в зелени.

ЗА КИЛОГРАММ АЗОТА — КИЛОГРАММ МАСЛА

Белок состоит в основном из азота. А что, если побольше внести этого азота в почву? Как это скажется на содержании белка в растениях?

Аспирант Института кормов Явля Стрельков три года подряд вносил на кукурузные поля подмоковского совхоза «Шугарово» повышенные дозы азотистых удобрений. И не зря. В кукурузе, столь богатой углеводами, повысились еще и содержание белка. Стрельков вносил азот и под злаковые травы. И они также перерабатывали его в белковые вещества.

Встал вопрос: а выгодно ли это?

Подсчитали, и вышло: один килограмм действующего вещества азота настолько повышает урожай злаковых трав и содержание белка в них, что из добавочного корма можно получить килограмм масла. И так, за килограмм азота — килограмм масла. Выгодно!

Случилось так, что гигантский скачок нашего животноводства застал расползло сельскохозяйственные органы и само Министерство сельского хозяйства СССР, в котором и помимо вст далее человека, который бы специально занимался белковыми кормами. А положение создавалось очень тревожное. Корма, годившиеся для малопродуктивных ферм, сейчас сдерживают дальнейшее развитие животноводства.

Белок — достойное дополнение к главной кормовой культуре — кукурузе. Белок — верное средство резкого роста производства мяса, молока, яиц, шерсти, снижения их себестоимости.

Дать фермам не только кукурузу, но и в достатке белка — поистине великое и увлекательное дело для сельской молодежи!

Самые НОВИКОВ



ВСТРЕЧИ С ГАГАНОВОЙ РОЗАЛИЯ ЖДАЛА С БОЛЬШИМ НЕТЕРПЕНИЕМ. И ВОТ ОНА СОСТОЯЛАСЬ

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Фото М. Муразова.

«Прага, 17.X.60 г.

Сегодня уезжаю в Советский Союз в составе делегации Чехословацкого союза молодежи. Я очень рада, ведь у меня будет возможность увидеть своими глазами, как живет советская молодежь. Наша Бригада с самого начала перенимала опыт комсомольцев деля Мокша-Сортировочная.

Интересно, что принесут мне двенадцать дней пребывания в Советском Союзе?»

Так начинается дневник Розалии Гуговой, бригадира швейной фабрики имени Вильяма Широкого в Тренчине, небольшом городе Восточной Словакии. Это ее брига-

12 дней из жизни РОЗАЛИИ ГУГОВОЙ

де одной из первых в Чехословацкой Социалистической Республике присвоено звание коллективна социалистического труда.

— Родилась я в 1932 году, в декабре — рассказывает Розалия. — Жила в родной деревне до 1947 года. Потом отпросилась у родителей и уехала в город Трнчин учиться в швейную техникуму. Через три года, окончив техникум, поступила на швейную фабрику, где сейчас и работаю. — Роза улыбнулась. — Вот видите, биография короткая, рассказывать о себе больше нечего.

Разговор этот шел в поезде. Мы ехали в Калинин и Вышний Волочек. «На родину Гагановой», — говорили пассажиры из Чехословакии.

Все были в радостном ожидании: впереди — поезда на заводы и комбинаты, знакомство с новыми, беседа с номоскопскими работниками и членами бригад коммунистического труда. Впереди была встреча и с Валентиной Гагановой, о которой так много думала Роза.

В дневнике Розы записано: «...У нас, в Чехословацкой Социалистической Республике, большевиком вождем знает о Валентине Гагановой. Этой встречи я ждала с большим нетерпением. И вот она состоялась.

Больше всего в Валентине мне понравилась ее скромность и простота. То, что читала и слышала о Гагановой, я увидела своими глазами.

— Говорят, у вас есть еще одна профессия? — спросил глава делегации Богумил Монтани.

— Да. Я еще тонар, окончила ФЗО.

— Сколько вы зарабатывали до того, как перешли в отстающую бригаду?

— Восемьсот — девятьсот пятьдесят рублей.

— А на какую зарплату ушли? — Шестьсот — семьсот... Но это в первые месяцы. А потом мы зарабатывали по тысяче и больше... Я вспоминаю, как час назад, когда мы были в цехе Гагановой, заводскому производством рассказывала нам: — Пришла она проситься в отстающую бригаду. Мы стали отговаривать: зачем, мол, тебе это нужно? Валя и «отстающая»-то бригада Люси Шибаловой выполняет план на все сто процентов! Так чего же тебе еще надо? А Валя свое: «Все равно они отстанут от всех, цех тинут назад...»

— Но почему именно ты хочешь перейти? — спросил я.

Гаганова спойонно ответила: — А кто жет Я! ведь номсорг цеха!..

В этом ответе — характерная черта нашего времени. Если надо жертвовать личным во имя общего, вперед выходят номоскопы.

«Но а, так кто-нибудь другой сделал бы не самое...» — сказала



«Пионеры встретили нас очень тепло. Преподнесла громадный конверт, на котором было написано: «Куда: Чехословакия; кому: наши друзья». Замечательно!»

«...В грохоте стачек разговаривать трудно, но именно в цехе больше всего возникает вопросов.»

«...Особенно интересными были наши беседы. Опыт советских товарищей дал нам много!»

«...В Советском Союзе я чувствовала себя как дома. До чего хорошо, когда вокруг тебя близкие друзья!»

«Иногда я не выдерживала и плакала: это очень трудно — расставаться с людьми, которые стали так близки за короткие двенадцать дней!»

«Первый снег в этом году я увидела в Калинин! Мне захотелось поиграть, покататься в снегу, как маленькой.»

МНОГО ИНТЕРЕСНОГО РОЗЕ РАССКАЗАЛА УДАРНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА КРУТИЛЬЩИЦА ШУРА ДЕНИСОВА. СМЕНА. В КОТОРОЙ РАБОТАЕТ ШУРА, НЕДАВНО БЫЛОВАЛА ПОНЕЖИМОВЫМ ЗВАНИЕМ КОЛЛЕКТИВА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

С этого дня я буду переписываться с Валентиной, обмениваться опытом...»

Эта короткая запись таит в себе много. И напряженность ожидания и удовлетворение от того, что человек, о котором ты так много и хорошо думала, оказался еще лучше.

Мы сидели в одной из просторных, уютных комнат заводского клуба и ждали начала вечера — встречи с молодой Вышинецкой Волочка. Гаганова вошла как-то незаметно. Просто вдруг оказалось, что она уже здесь — разговаривает, смеется, внимательно слушает. Роза, не отрываясь, смотрела на нее и спрашивала, спрашивала... А Гаганова так говорила:

«Я не думала, что это ободает всю страну... Не я, так кто-нибудь другой сделал бы то же самое. Оборудование — само дело, а люди — другое. Народ остается народом... Можно и надо добиваться отличных показателей не только в работе. За работу мы деньги получаем, так что нужно получать их честно, но и в других областях нашей деятельности быть впереди...»

ла Гаганова. Именно так. Потому что замечательную молодежь воспитала наша партия, наши комсомол — людей, готовых и подвигу. И не случайно цифра последователя Гагановой очень быстро стала шестизначной. Кстати, эту же мысль выразила Роза, когда сказала мне после встречи с Валентиной: — Подвиг Гагановой не только ее подвиг, но и подвиг всего комсомола.

«Я отвлелся от рассказа о самой встрече. Давайте снова вернемся в уютную комнату заводского клуба, где четверо делегатов чехословацкой молодежи забрасывают советскую героиню самыми разнообразными вопросами:

— Где вы сейчас работаете? — Какие отношения с Люсей Шибаловой? — Как фамилия вашего мужа? — Если выразит свои домашнюю работу в процентах, то сколько приходится на вас и на вашего мужа? — Какие планы у вас на новый год? — Вы приедете в Чехословакию?»

Взрывы веселого смеха не мешали серьезно разговору. Валя рассказала, что работает сейчас в третьей бригаде, куда перешла после того, как выехала вместе с отставшими бригадой Шабаловой в переводные. С бригадиром отношения очень хорошие. «Лося и сейчас часто забегает и нам, бывает у меня дома. Хороший человек она!»

— Роза слушала, не спуская глаз с Валентины. Я смотрел на них. Гугову и Гаганову, и в сердце росла гордость за время, в которое немцы за людей, наших современников! Вот сидят две девушки бригадиром из Чехословакии и Советского Союза. Они из разных стран, они говорят на разных языках, их судьбы сложилась по-разному, но живут они в одном мире новых, социалистических отношений. Им по пути! Они идут одной дорогой, и одной цели. Они мечтают на Западе ничего не претендующие на серьезность делители мечтает о победе над социализмом, говорить о непопулярности коммунистических идей в народе, пытаться «освободить» рабов социализма?»

Следы, малые детишки! Где, когда, в какие вены и при каких общественно-социальных системах могли еще вырасти такие люди, как Валя и Роза, которые вот тут, в заводском клубе дневного русского города, уделенно разговаривают, даже не подозревая о великом значении своих дел!

— В дневнике Розалин встречается такая запись:

«19.X.60 г.
Сегодня я узнала интересную новость. На комбинате искусственного волокна, который мы посетили, члены бригад комтруда рассказали нам о том, как они у себя организовали «Клуб девушек». Это меня заинтересовало, потому что и в моем коллективе 20 девушек. В этом клубе девушки учатся готовить, шить, сервировать стол. Очень мне понравилось, что в «Клубе девушек» они вместе празднуют дни рождения, именины и другие даты, как, например, Международный женский день в марте.»

Я поняла, что совершенно правильно учить молодых девушек домашним работам, которые в их жизни обязательно встретятся...

— Да, Роза и ее друзья по делегации узнали много нового и поняли немало важного за те дни, которые они провели в Москве, Калинин, Вильнюс, Варшаву и Ригу.

— На нас дохнула коммунизмом! — сказала Роза. — Вы и этому привыкли, а для нас очень ин-

тенсивными были хотя бы такие детали нашей жизни, как зеленый ярлык бригады коммунистического труда у текстильщинок Калининки или личное клеймо ударника коммунистического труда Володи Дмитрия с вагоностроительного завода. Если в морозе с ярлыком лежит зеленый ярлык, а на детали стоит клеймо Володи, ОТК не проверит производство качества гарантировано.

Сейчас еще трудно говорить о всех своих впечатлениях, — продолжает Гугова. — Нужно время, чтобы уложить по порядку все, что есть в памяти и в сердце. У меня появились новые хорошие друзья, с которыми я теперь буду переписываться. Например, с Лосей Саваровой, элитросварщицей с Калининского вагоностроительного завода. Ее там называют «героиня голубого огня!» Она и правда героиня работы трудной для девушки, а ведь Лося прямо со школьной скамьи! Как она любит свою профессию! Это просто замечательно.

Когда же я спросил Розу и других членов чехословацкой делегации, что же является самым главным их впечатлением от поездки по Советскому Союзу, все в один голос воскликнули:

— Люди! Их самоотверженность и целеустремленность!

Мы свмыслили с советскими друзьями, мы чувствуем себя здесь как дома. — вполголоса говорит секретарь обкома ЧСМ Франтишек Киндикун. — Когда в Праге мы сидели на «ТУ-104», мы знали, что летим далеко, но были уверены, что летим домой.

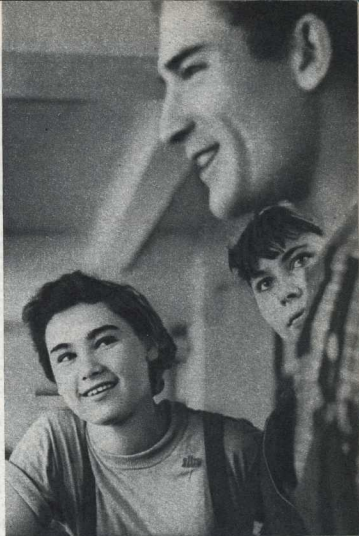
А вот последняя запись в дневнике Розалин:

«20.X.60 г.
Переживаю последние часы своего 12-дневного пребывания в Советском Союзе, где я была впервые, но, надеюсь, не в последний раз.»

Я много узнала и многому научилась. Больше, чем ожидала. Не хочется уезжать, Трудной Приле советских людей был настолько сердечным, что мы чувствовали себя как дома, среди близких, родных. Когда я вернусь домой, я буду много-много рассказывать о Советском Союзе...»

Дневник окончен. Но дружба наша продолжается. Нас роднит общая цель, и которой мы ищем, сблизившись на общие социалистические идеи, наш труд и наша мечта: новый мир прогресса и социализма.

Большого счастья тебе, Роза, и всем вам, наши чешские друзья!



ВОТ ОН, ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ КОЛЛЕКТИВОВ КАЛНИННСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО КОМБИНАТА — БРИГАДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕЧАТНИГА ВЯЧЕСЛАВА ФРОЛОВА (СЛЕВА НАПРАВО): ПОМОЩНИК ПЕЧАТНИКА ЛЮДИЛА ТОМСКАЯ, ПРИЕМЩИЦА ЛЮДИЛА КАВЛИЦКАЯ И БРИГАДИР ПЕЧАТНИК ВЯЧЕСЛАВ ФРОЛОВ.

ГУГОВУ ИНТЕРЕСОВАЛО ВСЕ, А ГЛАВНОЕ, КАК РАБОТАЮТ БЕ СОВЕТСКИЕ ПОДРУГИ,



Слава сидел на подоконнике в коридоре института, куда он не полагаясь летом, да и сейчас, наверное, не попадет. Мимо ходили люди Славного возраста, о чем-то совещались, о чем-то спорили, шутили и тетерялись. Некоторые, как и он, сидели на подоконниках и так же вскакивали, когда мимо проходила преподаватель.

Слава глядел в окно. По жаркой улице проносились, сверкая крышами, мажанды, самодельные грузовые троллейбусы, шли люди — яркая летняя толпа. Людей было много — тысячи, наверное. И ни одного знакомого лица.

Слава закрыла учебник. Что толку!

И вообще все получалось как-то по-дурацки. Даже общезнания не досталось: опоздал. Знакомых — нет. Товарищей — нет. Один в целом городе. Учат — его дело. Не учат — его дело. Может швырнуть книжки и уйти и бешель на досках. Пожалуйста, может не скватит за рукав. Чужой в чужом городе...

Он вспоминал, как мать перед отъездом говорила, что такому застенчивому человеку, как Слава, вообще лучше сидеть дома, что город без знакомых — это пустыня, ибо в случае чего знакомый если и не поможет, так хоть пососветит, а незнакомый палочку и пройдет мимо.

Знакомый что пососветит... В родном городе у него было немало знакомых, и действиями они точь-в-точь по минимым словам — хоть и не помогая, но советы давали множество: койку снимать только у приятельных людей (хоть бы неприятельные пустились), не доверяться первому встречному...

— Консультация давно началась?

— Слава поднял голову. Спринжав густобровый пачистый парень в спортивной куртке. Кажется, из их потока.

— Минут двадцать, как кончались, — ответил Слава.

— Вот черт! — сказал парень. — А что было?

— Не знаю. Я все время тут сидел.

— А чего на консультацию не пошел?

— Английский учил. Я, понимаешь, литературы не боюсь, — объяснил Слава и добавил уверенно: — А на англійском скажу.

— Почему? — спросил парень без особого сочувствия. Просто неудобо промолчать, когда человек рассказывает о своей беде.

— Потому что дурак, — вздохнул Слава. — Два языка учил, ни один не выучил. Перевести, в общем, смогут. А вот читать — лучше и не брать. Произношение... В прошлом году профессор на третьей фразе пошел. Почень сочувственно покачал головой.

— Обидно, — негромко сказала Слава. — И стаж есть и экзамены остальные сдать. А все бесполезно: на английский сорвался. Второй раз домой ни с чем возвращаться...

Подождал две девушки из их потока, и Слава сказал им то же самое, но в несколько другой форме:

— Английский — ни бум-бум. Все рассчитано — строго, как спутник в атмосфере... Почему всерьез? Что делать? Что нам, малярам! Один раз уже провалился — привялка ест!

Девушки ушли, нообщая при случае подкашлат.

— Ты разве маляр? — спросил парень.

— Нет, я в типографии работаю. Корректор.

Парень тоже сел на подоконник, выстукал по стеклу какой-то марш и поглядел на часы.

— Тебе не надо в читальню?

— Нет. А тебе зачем?

— Багрицкого прочтешь. Позму «Смерть шнонкра».

— Давай я тебе прочту, — предложила Слава. Очень уж не хотелось оставаться одному на этом дурацком подоконнике посреди чужого города.

— А у тебя есть? — спросил парень.

— Да нет, я помню.

Парень в первый раз поглядел на него с интересом.

— Вспой!

— Вспой.

Начал Слава тихо, потом увлекся, стал читать, как обычно, нараспев, раскачиваясь, будто для себя. Девочка, кто-то зурбящая в конце коридора, пошла поближе и встала у соседнего окна.

Почень долго морщилась, как от боли, и буркала неслышало:

— Мм... М-да... Здорово... Просто здорово... М-да...

— Еще был — сказала Слава и улыбнулся. Когда людям нравилась хорошая стихи, он радовался так, словно сам их написал.

— Тебя как зовут? — спросил парень.

— Слава.

— А меня — Виктор.

Рука у Виктора была жесткая, ладонь оттаивала снизу. Токари, наверное. Или слесари...

— Ты специально выучил? — спросил он.

Слава усмехнулся.

— Разве стихи учат? Сами запомнились.

— И много ты знаешь на память?

— Если слушать не надоест, могу нехорошо читать.

И за один английский тебя не привяжи!

Слава кинула.

Солнце поднялось над соседним домом, и, разбившись в зеркальном окне, ударило им в глаза. Они сели на подоконника и пошли по коридору. Ступившись этоним же, потопались в толпе перед приемной комиссии, где выслушали десятки слухов о конкурсе, один другого страшнее: первый утверждал, что на каждом месте претендуют два человека, последний — четырнадцать.

Потом они зашли в студенческую столовую, прокатили алюминийевые подпосы по узеньким блестящим режсам и заглянули в три пятачка.

— Ты учителем хочешь быть? — спросил Виктор.

— Ага. Лучше в селе. В городе все-таки не то. Кончались уроки —

ЛЕОНИА
ЖУХОВИЦКИЙ
РАССКАЗ

ПЕРВЫЙ



и кто куда... А там все люди на виду. Хоть каждый день в школе вечера устроили, или лекции, или концерты — с радостью пойдут. Я три года в селе учился — знаю... А сейчас, когда университеты культуры, тем более...

— Ты ешь, — сказала Виктор. — Борщ отстанет.

— Я ем... А ты тоже хочешь учиться летом?

— Не, я в школу не хожу. Хожу воспитателям, в детдом. Или в интернат. Я, понимаешь, сам из детдома. У нас там все воспитатели были одни женщины. А это все-таки не то. Вроде семи бы отцы. Кройка да шитье. Нилкаев техники.

— Еще был — солдано согласился Слава.

Они вытерли руки бумажными салфетками и вышли на улицу. Было жарко. Второй своей тяжестью иполь лежал на мостовых.

«Вот и все, — подумал Слава. — Сейчас этот парень скажет «пока», и опять — один в чужом городе».

— Ты вообще-то где остановился? — спросил Виктор.

— Вообще-то нигде. В основном на вокзале. Как приехал, хотел койку снять. Но хозяйки не пускают: кому охота на две недели!

— Может, пойдя пока к нам в общежитие?

— А ты где работнешь?

— На судостроительном. Выйдем на набережную, я тебе покажу.

Вышли на набережную.

— Вон, гляди, — сказала Виктор.

Слава остановился. Река медленно и лениво ворочалась в берегах, будто загораля. Внизу, под берегом, калянился на солнце камыш. Река, разноморенная жарой, и не пыталась удержать прибрежную полосу, захваченную весной. Дальше виднелась шахта, плоскоже, как прогвалин, густо уснувшая людьми. А еще дальше, над рекой, над жарой, над шахками и уаицами, парил в небе клаоватый кран. Он медленно поворачивался, и, повинуясь ему, пылаа над берегом огромная железная конструкция.

— Корму ставь, — сказала Виктор. — Три скрепи — и готов теплоход.

— Совсем готов? — удивился Слава.

Виктор усмехнулся и принялся объяснять, как строят теплоход: да как спускают его на воду. Слава слушал с недоверчивым восхищением: он никогда не бывал на большом заводе.

ВСТРЕЧНЫЙ



Рисунок Н. Поливанова.

...К вечеру они пришли в общежитие. Слава оглядела аккуратною комнату на четыре койки и осторожно тронула пальцем салфетку на тумбочке.

— Чисто у вас.
— Девчата стараются, — сказала Виктор. — А мы им книжнучку поучку сделали. В порядке обмена... Садись, моя кровать.
Слава села, повернула голову к калитке на стене.
— Ты?
— Отец, — отвечает Виктор таким тоном, словно сам удивился, что молодой, с веселой улыбкой парень на фотографии — его отец.
— Похож, — сказала Слава.
Виктор кивнул. Помолчал, проговорил:
— Теперь мы с батей ровесники. Он двадцати двух лет погиб. Тоже слесарем был до фронта. Вот здесь, на нашем же заводе.

— Помнишь его? — спросила Слава.
— Не. Ничего не помню. Я и мать-то почти не помню.
Виктор хмуро сидел на кровати. Видно, очень захотелось ему вдруг рассказать Славе о матери. Но мало, очень мало помнил он. Потому и дробился воспоминаниями: ничего больше не оставила ему война от родителей.
Виктор не помнил, как мать читала ему, трезлгантеному, вслух отцовские письма, — а она читала их все до единого, соседки рассказывали. Не помнил, как почтальон принес похоронную. Одно только крепко, навечно вошло в память — как мать, вскрикнув, упала затылком на дверь, как выстрелила фотричка и мгновенный сквозняк рвануло со стола серый листок...

После детдома Виктор приехал в город, где погиб отец. Читал таблички на солдатском кладбище, и странно было на обалдевшие братские могилы вдруг увидеть свою фамилию.

— Так и остался здесь, — сказала Виктор. — И на завод на этот пошел — так уже поучилось. А в цех и уже сам попросился — здесь отец работал. В общем, на его место.

— Тебя сразу взяли? — спросила Слава.
— Еще бы! У нас там самая тяжелая работа была, — сказала Виктор. — Самая грязная. Новое-то оборудование всего два года как поставили.

Они посидели молча. Потом Виктор хлопнул ладонью по кровати.

— Ну, что, займемся английским? Может, чем помогу.
— Ты же хотел литературу читать.
— Ты мне потом расскажешь по программе.
— Ну, давай.
Вопила Зина, девушка из бригады Виктора. Она недоуменно уставилась на ребят. Те сидели друг против друга, хитро осклабясь.
— С-с-с-с... 3-3-3-3... — шипела Виктор.
— С-с-с-с... 3-3-3-3... — отвечала Слава.
— Вы что, с ума сошли? — сказала Зина. — Как два шмеля.
— Произношение отработаем, — деловито буркнул Виктор. — Вот там Куприн лежит, почитай пока «Олеся».

— Два раза читала.
— Ну, еще что-нибудь! — и снова зашипела: — С-с-с-с...
— Английский, что ли, учишь? — догадалась Зина.
— Ага.
— А чего Верочку не позволим?
Виктор досадливо хлопнул себя по лбу и выбежал.
— А кто это Верочка? — спросила Слава.
— Знакомая одного нашего парня, Олеся. Студентка, как раз на английском факультете. Такая тихая девушка. Ее Олег и на вечера к нам всегда приводил и в походы брал. Даже на релаксации драмкружка с ним ходила. Сядет у двери и молчит. Скромная такая девочка. Олег, как уехал в отпуск, велел ей звонить в общежитие через день, на вечера Верочка приходит минут через двадцать. Раскрыла сумочку, разложила на уголке стола словарик и нетерпимо спросила:

— Вы уже читали этот текст?
...Слава читала текст, переводила, по десять раз повторяла языкомские слова, слушала указания Верочки, пил чай, который вскипятила Зина, и про себя удивлялась, что у совершенно незнакомого девчат так вот, сразу, ей стаило своим.

Потом в общежитии стало шумно: кончалась смена на заводе. Пришли еще двое ребят, и снова Зина побежала на кухню с чайником. Один парень переоделся и ушел. Другой, медальонный крепыш, тыхонко тронул Виктора за плечо:

— Вить, будем сегодня приспособление вычислять?
— Мы, понимаешь, готовимся, — виновато проговорил Виктор. — Генка придет, посчитает.

— Да он теперь до ночи не завяжется.
— Такой балбес! — покачала головой Зина.
— Придет, — сказала Виктор. — Вот галстук висит.
Действительно, Генка скоро пришел. Ему было лет семнадцать, волосы светлые, курчавые, улыбка от уха до уха.

— А ну иди сюда, — сказала Зина. — Будешь считать приспособление.

Генка руками развел:
— Знаю, сегодня — никак. Чрезвычайные обстоятельства! Вить, я воевал курточкой!

— Мы же устроились — сегодня посчитаем. Не мог, что ли, на завтра договориться?

Генка сел на кровать.
— Эх, братцы!.. Разве от меня зависи? — презрительно сказала Зина. — Не можешь поставить на своем. Она же первая не будет тебя ужалить.

— Дурак ты, Генка, — подытожил один из ребят.
— А что делать-то? — вздохнула Генка.

Зина предложила:
— Приведи ее сюда. Пусть посидит пока.
— Не пойдет она...
— Как ее зовут?
— Люся.
— Подумаешь, Люся! — сказала Зина. — Ну, давай я ее сама привою.

Генка вскоблал.
— Что ты! Сойдётся.
— Сиди, говорят тебе! — Зина летячико толкнула его в плечо. — В парке, вёсёб, договаривались!
— У «Олеся сатир».

— Ну, не балбес! — сказала Зина.
Место свидания было самое шалашное.

— Какая она из себя, твоя Люся?
Генка описал свою Люсю в нескольких словах, половина из которых были междометиями.

— Ладно, найду.
Зина ушла и скоро вернулась с Люсей.

Зина сидела и скоро вернулась с Люсей. Бельничка девушка стеснялась и вела себя чинно, как в семейном доме: сидела очень прямо, руки держала на коленях (в руках был платочек) и каждому слову мило улыбалась.

Зина спросила:
— Хочешь пока книжку почитать?
Девушка отшатнулась.

— Спасибо, не надо.
Генка спросил ее, в какой ситуации. Теперь он не просто вычислял углы и дуги — си творил. Генка морщил лоб, в отчаянии отбрасывая исчерканные листы, хватался за голову и помынцтылу спустя, сверкая глазами, вдохновенно кидался на чертеж. У него хватило выдержки ни разу не взглянуть на Люсю.

Эти творческие порывы выматывали так естественно, что даже Зина притихла и только подвала Генке чистые листки.

Наконец он положил ладонь на стол и сказал с усталым достоинством:
— Все. Порядок.

Он встал, а Люся тоже встала. В дверях Генка пропустил ее вперед.

...Уже передали последние известия, когда Верочка собрала свои слю-
вари и попрощалась.

Слава тоже заторопилась:

— Ну, я пошла... А завтра будем литературу готовить, да?
— Ты куда? — удивился Виктор.

— Садись. Сейчас что-нибудь скумекаем.

Он повернулся к Зине.

— Ему, понимаешь, вчеревать нетде.

— У нас все койки заняты?

— Все.

— А у Васьки?

— Все.

— А у Киррилы?

— Все.

— А если саднугут кровати?

— Вот я и сам думаю, — сказал Виктор.

Он встал и прежде, чем Слава вскоила помочь ему, придвинул свою
кровать к соседней. Ножки громко скрипнули по полу.

Сойдет, — сказала Виктор.

Но не сошла. Векторша объективирала, судорожная женщина, горюпшав-
шая своей провинительностью, вызвала Виктора в коридор. У самой двери
слышались ее уверенный, быстрый говорок:

— Ты чего койки двигал?

— Да так постою. Попривала.

— Ты мне не ври, — с расстановкой проговорила женщина и снова
застыла: — Это чего за парены у тебя?

— Ну, парень, — сказал Виктор. — А что?

— Как зовут-то?

— Ну, Слава.

— А по фамилии?

— Ну, чего вы, ей-богу, тетя Дуся!.. В институт поступаю со мной.

Хороший мальш.

— Я тебе вот что скажу... — Голос женщины звучал строго. — Нечего
кого полагать к себе водить. Я тебе как мать говорю. Первый встречный

или первый встречный и есть.

Зина торжественно застыла. Слава:

— Да ты не слушай, не обращай внимания! Она у нас из трех ваткре-
ров одна такая. Ну, просто старомодная какая-то... Раньше и насто к
ребят в комнаты не пускала. Неприлично, говорят, ми, говорит, в мо-
лодости так не делали.

Вотша Виктор, красивый, зной.

— Ой-те шпигит. В «Славне стирки», что ли, ее продролзут? Придумай
же словечко — первый встречный... Как будто один только знакомые —
люди, а все остальные — гады.

— Да чего ты возмущешься-то? — сказала с тревогой Зина. — Вот мы,
например, со Славой совсем не волнуемся.

Слава кивнула. — Что еще оставалось делать? — и даже изобразила не-
что вроде улыбки.

Виктор, горькаясь, повернулся к нему.

— Меня вот, знаешь, кто на завод привел? Первый встречный. Ар-
тем Егорыч, кузнец. Увидел у проходной и привел... А Галька, когда по-
ту в походе сломала, кто в больницу вез? Первый встречный! Шофер
какой-то. Развернул машину и тина впадал сорок километром...

— Вить, — сказала Зина, — пушкой ой у меня дома на верандочке
спит.

— Ребят, ну чего вы беспокоитесь? — вскинула Слава. — Отлично
выспался на вокзале. Три ночи спал, ну, и еще одну...

— Будет болять-то? — сказала Зина.

— Верандочка была мажонская, ситенькая, стеклянная, будто аквари-
ум. И, словно водоросли в аквариуме, мохнатика на стенах вылезок.

— А ты где же? — спросила Слава Зину.

— А я у сестры, на раскладушке.

— Ты за нее не беспокойся, — сказала Виктор. — Она у нас в бригаде
самый разумный человек.

— Молчи уж! — проговорила Зина.

Виктор положила Славу руку на плечо.

— В общем, спи. А утром приходи в общежитие. Договорилась? Ну,
буль.

Среди ночи, проснувшись от чего-то — может, просто от зеленых шо-
рохов скрепились — Слава увидела на лавочке у забора неподвижную двой-
ной снагур. Он послондла на кровати и снова лег. Спать надо, экзамен на
нос. Спать надо. Эк!

Слава вспомнила, как Виктор днем спросил у него:

— Вот ты на вечерний поступаешь. А где работать думаешь?

— Где-нибудь тут, в городе, — ответил Слава.

— Что значит «где-нибудь»? Если работа, так у нас. Показать
тебе завод?

...Часа два они ходили по цехам. Виктор хвастался новым автоматом,
стоящим в чужом цеху, с уважением показывая мощный компрессор.

Они долго лазали по уже готовому теплотеходу. Виктор возбужденно го-
ворил:

— Видея иршукш? Нама! От вилтика до вилтика. Видишь, пустыя
шореса скрепились? И вот такую штурковину собираем. На пустом месте! Крепко?

И опята Слава удивлялся: так восторженно можно говорить о своей ра-
боте артист, художник, учитель, но чтобы слосья...

А потом Виктор из-за чего-то ругался с парнем в грязной майке. Из-
за чего? Слава не помнил. Разговор шел технический. Парень был суту-
лый, широкоплечий. По левой руке его до самого плеча ползла вытатуи-
рованная змея. На другом плече разлазалась голая красавица.

Парень сперва ругался, потом оправдывался, потом зворчал:

— Ты меня не учи! В коммунизм торопишься? Ну и топай на здо-
ровье, может, дойдешь.

— Мы-то дойдем, — ответила Виктор. — А вот с тобой что делать ста-
ноит? По дороге, что ли, высадишь?

Парень обиделся и пошел «толоквять», итравя татуированными плеча
ми. У Виктора потемнели глаза. Он сказал тихо, почти шепотом:

— Ты наоколами не пугай, у меня свои есть.

И расстегнул ворот рубашки. На груди, против сердца, бледными
школьными чернилами давно, видимо, была выколота простая, как на со-
матской ушинеке, звезда.

Потом они снова ходили по заводу, и Слава все думал: нуужело на
даст английской? Теперь ой боюас вдвоем: ему вадур очень захоте-
лось работать на одном заводе с Виктором, жить в одном общежитии...

Нуужело не дасть?

...Они занимались каждый день. С утра — в общежитии, а как соби-
рались ребята, уходили в скверик: ильские солнце светило дождю.
Чуть позже приходила Зина, молча садилась на соседнюю лавочку и при-
нималась за свои дела: вышивала, читала...

Виктор взял отпуск на экзамены. Но попрежнемому часа три в день за-
бирал разные заводские дела. Как-то Генка даже в скверик прибежал
световаться, какой выпустить лозунг.

— Ну, а сам думаешь? — спросила Виктор.

— Да я не знаю, — протянул Генка. — Может, так: «Привет передо-
викам движения коммунистического труда!»

Виктор поглядел на него.

— А кто это, передовичка?

— Кто?.. Мы! Мы! Мы! И бригада Буракова.

— Значит, только себе привет передаем? Да и вообще нехорошо. Вроде
все уже сделано, соли и осталась, что привет передать.

Зина предложила:

— Давайте так: «Выполнил три задания».

— Подальше впади, чтоб во все стуну, — сказал Генка. — Не резать
же кумач. Да и скучно это, задание...

— В общем, так, — решил Виктор, — придумаю еще часок. И мы по-
думаем.

Когда Генка ушел, попросил Славу:

— Может, из стихов строку какую-нибудь вспомнишь? Нужен лозунг
даже цеха акорных цепей. Весь цех борется за знание коммунистиче-
ского.

Слава минут пять рисовал рожицы на блокнотном листке. Потом про-
говорил:

— Может, в таком роде: «Пусть не будет на планете никаких цепей,
кроме акорных!»

Владимир ДЕМИДОВ

МОЙ ГОРОД

В. МЯГКОМУ
и А. ГОЛЮНЕРОВУ,
знатным горнякям
Горлявки

Дома твои скромны и смуглолицы,
Как горняк,
Мой труженик простой,
Но правдые заморские столпы
Блещут перед твоей красотой.

Тут у копров ходили наши деды
Цари штыком и пудей «ведлчать».
На месте битвы
Встал проспект Победы
Плечом к плечу с проспектом Ильяча.

Ведут сегодня гвардию шахтеров
В горняке, но мирные бои
Володя Мягкий,
Толк Голюнеров,
Счастливые ровесники мои.

О них поют. Я этой песне вменяю,
Светло с таким и в крошевной мгле.
Как глубоко
Они провалил в землю,
Как высоко
Влетели на земле!

Анатолий ПЕРЕДРЕВ

Город в розовом лоске,
Тих зарн разворот.
У газетных киосков
Вырастает народ.

— Кто здесь будет последний?
Уверждаюсь в хвосте.
Ждут не маленьких слетев,
Ждут больших новостей.

В океане вода осколки
Затянул илгу...
Я беру «Комсомолю»
И «Россью» беру.

Крупных прифтов любитель,
Пронускаю нетит.



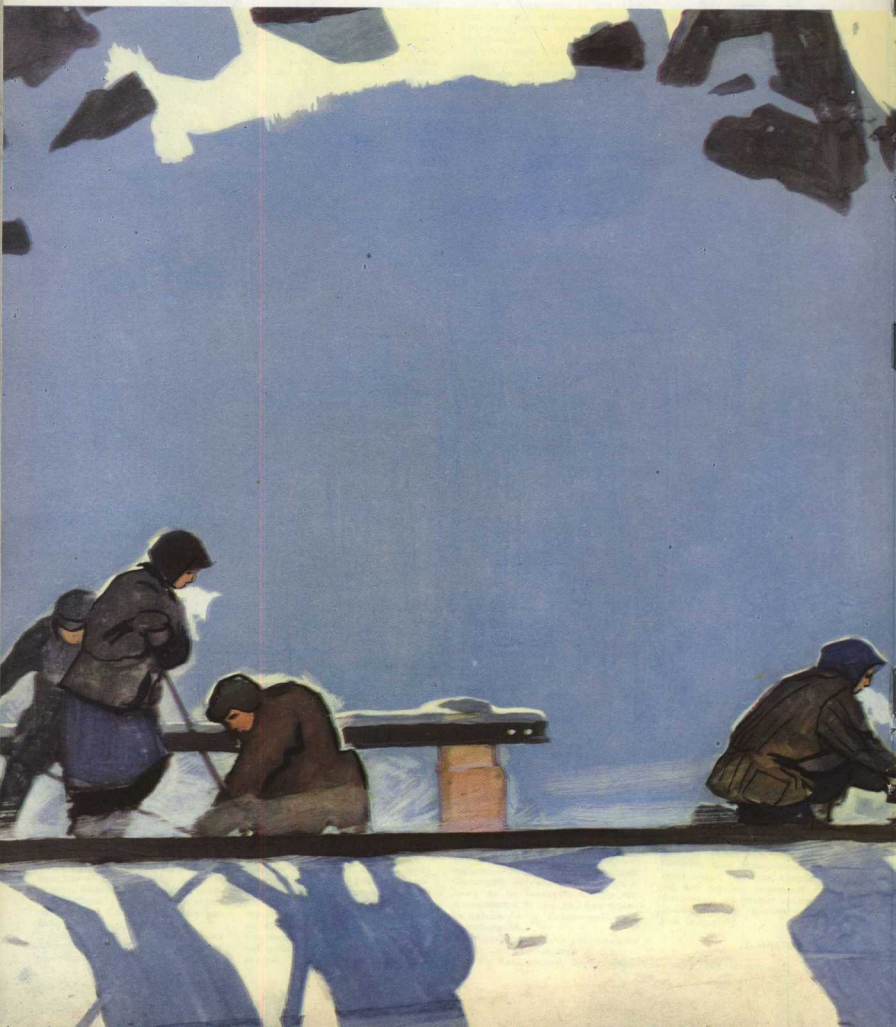


Н. А. Сёмсов.
В. И. ЛЕНИН НА СУБВОТНИКЕ.



ВО ИМЯ СОВРЕМЕННОГО

Группа молодых художников побывала недавно на строительстве железной дороги Абакан—Тайшет. Они поехали в Сибирь, чтобы запечатлеть на полотнах образы наших современников — радостных труженников коммунизма. Среди художников был Виктор Попков, окончивший в 1958 году институт имени В. И. Сурикова



— Перед нами стояла одна цель,—рассказывает Попков об этой поездке,— собрать материал о молодых рабочих, участниках ударной комсомольской стройки, и затем на развернутой выставке показать этих замечательных людей. Мы жили с ними в общежитии, выезжали на отдаленные участки строительства.

Вернувшись, я написал серию картин, посвященных этим славным ребятам. Последнюю свою работу из серии «Абакан—Тайшет» я назвал «Трудный участок». Трудный, потому что проходит он через горы. Люди прокладывали путь, несмотря на тяжелые климатические условия — снег, холодный и сырой ветер... Вот она, эта картина.

В. Попков.
ТРУДНЫЙ УЧАСТОК.





7 ноября этого года Вячеславу Туркину исполнилось 20 лет. Он достойно отметил свой день рождения и день рождения государства: в канун октябрьских праздников ему было присвоено почетное звание ударника коммунистического труда.

Чем же заслужил это молодой рабочий, электрик 1-го Государственного подшипникового завода?

...Когда, окончив десятилетку, три года назад Слава надел рабочий комбинезон, новые друзья сказали ему:

— Учи, профессия электрика самая изобретательская...

Слава учел это. Работая над монтажом новых станков, ремонтируя старое оборудование, он всегда пытался улучшить их. Вместе с Николаем Ульяновым он переделал электрическую схему станка ЛЗ-31. По новой схеме будут изменены все остальные станки этого типа.

Одно рационализаторское предложение, другое... И вот Туркин уже работает над изобретением, которое должно ликвидировать ручной труд на весьма трудоемкой операции — сборке шариковых подшипников. И если оно удастся, — а в это твердо верят и сам изобретатель и инженеры, — будут высвобождены десятки рабочих рук.

Слава учится сам — скоро он получит диплом техника — и учит других — пятерых товарищей по бригаде готовят к сдаче экзамена на высший разряд.

Вот чем заслужил скромный паренек звание ударника коммунистического труда.

РОЖДАЕТСЯ
В ЖИЗНИ
ЛЮБОВЬ

Тебе доверяется

День ото дня крепнут ростки нового, коммунистического в нашей жизни. Они во всем: в творческом отношении к труду, в заботе рядового человека о благе общества, в горячем стремлении миллионов рабочих к знаниям, к совершенствованию мастерства, в быту — во всем, что наполняет кипучую и напряженную жизнь советских людей. Приметы завтрашнего дня, зримые черты коммунизма — они рождаются, крепнут и становятся привычными уже сегодня.

А как стремительно развивается у нас новое, при-

мечательное, рожденное доверием к человеку! Строитель коммунистического общества — советский человек воспитывает в себе высокие моральные качества, каждый свой шаг, каждое действие, поступок измеряет самой высокой мерой — мерой чистой совести, мерой коммунистической нравственности. Потому-то и заслуживает он доверие не только коллектива, в котором трудится или живет, но и всего нашего общества. Потому-то и исчезает постепенно надобность в некоторых должностях. Люди стали обходиться:

БЕЗ КОНТРОЛЕРА ОТК... Зачем, например, вот этому молодому рабочему предвзывать свою продукцию контролеру, если он и сам не пропустит брак? Посмотрите, он самостоятельно маркирует свою продукцию. Таких рабочих в нашей стране сотни тысяч. Они есть почти на каждом заводе.



БЕЗ КОНДУКТОРА... Разве обязательно платить деньги за проезд в троллейбусе или трамвае кондуктору? Ведь можно опустить мелочь в ящик. Так и делают сейчас жители Москвы, Киева, Ленинграда и других городов. В Москве, например, в троллейбусах, автобусах и трамваях, работающих без кондукторов, ездят треть жителей!



БЕЗ БИЛЕТЕРА... Появилось и такое новшество. Во многих кинотеатрах упразднена должность билетера. Купил билет, проходи в зал, занимай свое место и смотри фильм.



БЕЗ КАССИРА... Такая форма выдачи зарплат введена на ряде заводов Москвы, Бреста, Кустана, Карова и других городов. Стоит в чехе сто, кладет в нем ведомость и пачки денег — подожди, расписывайся и отсчитывай положенную сумму.



БЕЗ ПРОДАВЦА... Это новшество пришлось по душе покупателям. Сейчас нет, пожалуй, такого города, где не было бы промывальственных магазинов, перешедших на самообслуживание. Хочешь купить товар — подходи к стеллажам, выбирай, что по душе, и плати деньги в кассу. Исчезли прилавки — исчезли очереди и толкотня. Появились также и книжные магазины самообслуживания. В таких магазинах висят плакаты: «У вас свободный доступ к книгам».



БЕЗ ТАБЕЛЬЩИЦЫ... Действительно, нужно ли табельщице дежурить возле входа в цех, если рабочие и так не опаздывают, не уходят домой раньше времени? На многих заводах решили: нет, не нужно, ей найдется другое дело... Была ли табельщица Первого московского часового завода Зоя Бородина работает сейчас комплектовщицей.



Мы связались по телефону с Центральным Комитетом Союза свободной немецкой молодежи и задали несколько вопросов, касающихся бригад, социалистического труда Германской демократической Республики.

Москва: Скажите, пожалуйста, когда возникло движение бригад социалистического труда в вашей республике?

Берлин: Инициатива рабочей молодежи явилась ответом на решение V съезда СЕПГ.

Молодежная комбинесная бригада имени вашего соотечественника Николая Мамай на электротехническом комбинате Биттерфельд выдвинула в начале 1959 года лозунг: «Мы хотим работать, учиться и жить по-социалистически».

Техническая интеллигенция этого предприятия вместе с рабочими стала добиваться введения новых методов производства. Этот почин был подхвачен, и движение широкой волной разлилось по всей стране.

Уже в сентябре 1959 года в ГДР насчитывалось свыше 8 тысяч бригад, соревнующихся за звание социалистических. К октябрю 1960 года их число возросло до 12 тысяч.

Москва: Расскажите, пожалуйста, о работе какой-либо бригады.

Берлин: Вот, например, бригада «Антифант» на народном предприятии имени Карла Маркса в городе Магдебурге. Она решила производить продукцию на уровне высококвалифицированных техников при минимальных затратах материалов, одновременно борясь за снижение себестоимости и за повышение качества продукции.

Очень трудно в такой коротком разговоре рассказать о героических буднях нашей молодежи. Лучше мы вышлем вам фотографии. Согласны?

Москва: Очень хорошо. Идем.

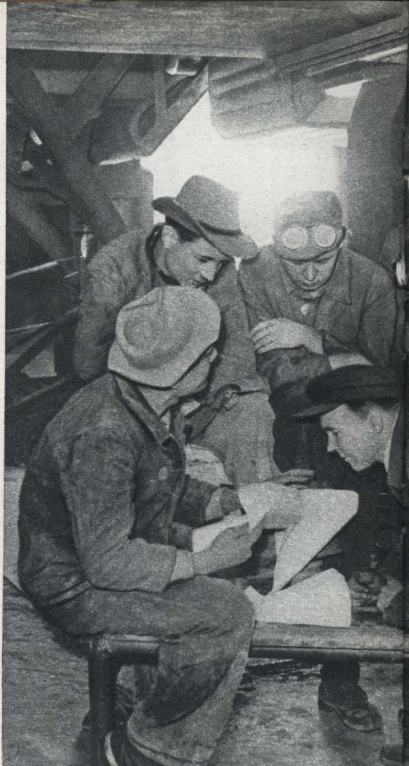
Берлин: Мы хотели бы добавить и этому, что сейчас у нас появилось еще одно движение — молодых рационализаторов, изобретателей и новаторов. Их лозунг: «Техника и темп в тысячу дней». Об этом движении хотелось бы рассказать подробнее.

В городе Росток, на народном предприятии «Нантул Верфтер» возник замечательный почин. Молодежь задалась целью за тысячу дней обновить технику, овладеть ею и добиться досрочного выполнения семилетнего плана. Такой почин был подхвачен на предприятии «Лейна Верке» имени Вальтера Ульбрихта и других. Он перенимается с «борьбой за минуту», которую повела молодежь «Моторрад Берн Цопау».

Вдохновенный, творческий труд, берямо вложенный в минимально снятую единицу времени, — таков девиз наших парадовых коллентивов.

Москва: Большое спасибо. До свидания.

Вскоре после этого разговора мы получили фотографии, рассказывающие о жизни рабочей молодежи ГДР, которые мы и публикуем.



ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ ГРУППЫ ССМ МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ «ФОРБЕРТС» НАРОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «ВАЛЬЦВЕРК» В ГОРОДЕ ФИНОВ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ МАСКАРАД РАБОЧИХ НАРОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «ЛЕЙНА ВЕРКЕ».

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ КОМ- ПЛЕКСНОЙ БРИГАДЫ ИМЕНИ ЛЕНИНА НА КАР- ВИЧНОЙ ФАБРИКЕ НА- РОДНОГО ХИМИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «БУНА- ВЕРКЕ» В ШКОЛУ БЕ- РУТ НА СЕБЯ ОБЯЗА- ТЕЛЬСТВО РАБОТАТЬ ПО- СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ, РУ- КОВОДСТВУЮСЬ МЕТОДОМ НИКОЛАЯ МАМАЯ, ВЫЗЫВАЯ НА СОЦИАЛИ- СТИЧЕСКОЕ СОБЕЖИВА- НИЕ ДРУГУЮ БРИГАДУ ИМОЛОДСКУЮ КОМ- ПЛЕКСНУЮ БРИГАДУ ПЕЧЬ № 6 РАБОЧНЕ СТАВЯТ ПЕРЕД СОБОЙ КОНКРЕТНЫЕ ЦЕЛИ: В КАЖДЫЙ МЕСЯЦ ОПЕ- РЕКАТЬ ПЛАН НА ОДИН ДЕНЬ!»





Иосиф СОГАЛОВ

ТРУДНО

Трудно,
Конечно, трудно,
если танка навстречу,
пукая огнем и смертью, ползут сквозь тиньолой
камни;

но в жесткой руке граната
и рядом товарищей плечи,
а сзади твой дом.

Трудно.

И все же ты устоишь.

Можно броситься в воду, чтобы спасти
младенца,
можно из рук бандита выбить холодный нож,
можно отдать больному,
даже —
раз нужно —
сердце...

Стоит лишь только вслыхнуть,

и завывал, пойдешь!

Подвиг — это как песня,

подвиг отыщет место

в наших великих буднях, в каждой простой
судьбе,

чтобы потом букеты, почести и оркестры

или, на крайний случай,

вечная память тебе.

А вот если служба в тридцать умело вползает
в рубу
и коленочек пальцы, а ты на ветру крутом
варишь каркас маршала,—

это не подвиг!

Попробуй

выдержать хоть полсмены и говори потом.

Если тебе семнадцать, и нелегко без мамы,
и столько невзгод, и работа такая, что лишь
держишься...

Трудно!

Но, справившись с болью,

сотни ребят упругих

делают вечный подвиг,

который зовется жизнью.

г. Черновицы.

Тамара ОДИНОВОВА

ОГОНЕК

Тихо. Ночь.

И вески лишнут в дреме.

А работу нужно сделать в срок.

Люди спят...

И лишь напротив в доме

Тоже светит чей-то огонек.

Там мигает вот уже три ночи,

Потока касаясь, чья-то тень.

Кто же там не спит?

Поэт?

Рабочий,

Отстоявший у станка весь день!

Клонит сон.

И мысль упруго глохнет:

Бросить всё...

Но в том окошке свет.

Человек работает.

Он может.

И горит мой огонек в ответ.

г. Новосибирск.

Евгений ЕРХОВ

МОЯ ГОРДОСТЬ

А я люблю отчаянных,
Нелегко встречаемых
На фабриках, на промыслах
Друзей хороших помыслов,
В любой работе радостных
И иростных до радости,
Всегда влюбленных искренне
В девчат с глазами-искрами
В задачи нерешенные,
В дороги, где не веза няктов,
С тоскою не пошепанных,
Бедою не помеченных,
Опасность презирающих,
Державших товарищей.
Их жизнь сравнишь лишь с песнею.
Горжусь, что я ровесник их.

г. Томск.

Александр КИЛЬДЮШЕВ

КУБРИК

Укрыты бортом от ветра,
Резжущего лицо,
Восемь квадратных метров
На семерых жильцов.

Зимняя спутница — печка
В тесном лежит покла.
На белой стенке — аптечка,
Фото из «Огонька».

Трудно назвать уютном
Полохой морской уют.
Родная наша каюта,
Саморешивая из кают!

Была ты нам домом славным
(Таких не знает земля!),
Была ты нам штабом главным,
Была душой корабля.

Отсюда на вахту шлан мы,
И после, в урочный час,
Здесь ночь, тишиной хранима,
Во сна уведила нас.

Когда нас волной осенней
Окатыла лютый норд,
Когда, точно пышный сейнер
Валмаса с борта на борт,

И в этакой свистоглажке
На палубе моряки
Смирями крепчайшей вязкой
Ожигивше адрут тюки;

Промокшие с плеч до пятков,
Но выигран спор с волной,
Пошатываясь, ребята
Спускались в кубрик родной.

За столком нашим малым
Спешная занять места...
Здесь мужество отдыхало
С горькой кружкой у рта.

г. Новосибирск.



так. Андрей в краю злато, на Колыме. Всего трое стук побоялось ему на то, чтобы добраться до Москвы до поселка Урманче, где находилась штаб топографо-геодезического отряда.

«Что же представлял собой этот самый Урманче? — думал Андрей. Вчера он прилетел сюда из Магадана так поздно, что не успел осмотреться».

Он ожидал увидеть один из обычных поселков, в которых бывала во время практики в Казахстане и Сибири, но сейчас перед ним были какие-то снежные холмы. Скалы этих холмов тускло светились огнями. «Так это же дома! — догадался Андрей. — А тутки, что ты цуки в нем...» — телефонные провода!

Глубоко проваливаясь в наметенные за ночь сугробы, он направился на ближайший огонек. На косяке двери, почти на уровне снежного пласта, выдвинула дочечка с надписью: «Топографо-геодезический отряд».

Навстречу из-за стога поднялся высокий худощавый человек лет сорока, кивнул и Андрей тутевку и стал читать ее. Затем протянул жеманную руку:

— Шмаков. — Ладонь у начальника была жесткой и сильной. — Когда прибуду? Вера? Почему же не зашел сразу?

Высупаясь объяснение, Шмаков спросил, где кем и как работал Андрей. По-видимому, начальник отряда не умел позволить тратить время.

— Так вот, дорогой Андрей Викентьевич, — сказал Шмаков, — на отряд и знакомство с обстановкой я не дам тебе ни часу. У меня, брат, на Новом очень туго. Слышала о притоке Новом? Нет? Это, друг, такое место... Золота там много, а вот людей его мало. Отправляйся сегодня же! — Все понятно, — ответил Андрей, поднимаясь со скамьи. — Но как добраться?

— Это будет не просто. Впрочем, постой! Ведь тут же Чума! — Он стал быстро крутить ручку телефона. — Азелька! Не знаешь, уехала Чума на дель? Уже собралась? Отлично!

Положив трубку, Шмаков весело улыбнулся.

— Пойдешь, Андрей Викентьевич, на пристань, найдешь там, у складов, нашего тракториста Чуму. Он тебе до Нового, как на курьерских, домычит.

— Чума? Это его фамилия? — нерешительно спросил Андрей.

— Нет! Впрочем, как же его фамилия? — Начальник смутенно развел руками и снова потянулся к телефонной трубке. — Бухгалтерия!.. Бухгалтерия!.. Не отвечают, а они-то, конечно, должны знать...

— Ничего. Найду и так...

— Да, вот только продукты...

— Продуктов хватят! — Тракторист равнодушно показал на мешок, привязанный к крыше кабины. — Чума? Ты только...

Еще в Магадане Образцов слышал о «яйном голоде» на дальних трассах и поэтому предусмотрительно купил десять ланток хорошего мяса. Теперь, подражая собеседнику, он так же небрежно, как тот, махнул рукой в сторону своего чемодана: этого добра, дескать, хоть от баян! И тогда впервые Чума взглянула на своего попутчика с удивлением.

«Дорога на пристань Новый шла вдоль берега Индигирки. Но местами она поднималась чуть ли не на самые вершины сопки. Уже несколько часов Чума и Андрей находились в пути, но еще не встретили ни одного пешехода. Ни одной машины, ни саней, ни упряжки, ни примотанной на одной ноге или якутской юрты. Чоюма, наверное, здесь самому черту небо с овчинку дастек...» — подумалось Андрею.

Красный джип соизна постепенно снижался к западу. И чем ближе было к причалу, тем сильнее становился мороз. В стужу, разреженном воздухе, почти не было слышно рожка мотора и легка гусениц.

Когда стемнело, Чума остановила трактор.

— Слезай, приехали!

Андрей открыл дверь и спрыгнул на дорогу. Острый морозный воздух и мерзлая тишина ошпарили его. Сделав несколько неуверенных шагов, он почувствовал, что вот-вот упадет. Он сел прямо на снег и закрыл глаза.

— Э-э, ты, брат, чего? — На плечо Андрея опустилась рука Чумы. — Замерзнешь... Костер нужен. Постей бы...

Андрей с трудом поднялся и, взяв топор, пошел к ближайшей молодой елочке.

— Постой! Этак мы с тобой и до ночи не управимся.

Тракторист уверенным движением выдернул шкворень, соединивший сани с машиной, и пошел в кабину. Легко развернувшись, трактор ринулся в самую гущу елочки и кочарча. Наехав на дерево, стоявший на месте тракториста сел. Потом гусеница же улетела пошла другую елочку. Тракторист делал все с расчетом — деревья ложались к другой стороне, образуя огромный кустер.

Вскоре у дороги весело зашлепала лапы, и в небо взметнулись снопы золотистых искр. Чума беззаботно усеяла у костра на сиденье, которое выкатил из кабины, и стал отогревать булдушку хлеба.

«...Уже в течение двух стук Чума не выпускает из рук рычагов своей пусковой машины, отогревая у тайги километр за километром. Ему

Н. Гусев Г. Слущкер ВЫРУЧАЙТЕ ШМАКОВА! РАССКАЗ

Шмаков критически посмотрел на повенные торбасы, которые Андрей поднял до самых бедер, на его просторную душу и, кажется, остался доволен. Потом заинтересовался, есть ли у молодого топографа продукты на дорогу.

— А на что они? Ведь вы сами говорите, что меня до Нового, как на курьерских, домычит.

— Оно, конечно, — Шмаков кивнул головой, — но продукты неидеальны на все-таки надо... Он озабоченно посмотрел на своего нового подчиненного. — Посоветуйтесь с трактористом и купишь, что требуется. Ну, доброго пути! И на тебя будешь, Образцов!

Скамья, расположенная на самом берегу Индигирки, представляла собой нагромождение ящиков, мешков, кошек, рулонов, бочек, связок и мотков, наваленных прямо на снег.

— Чума не видел? — крикнул Андрей грузничкам, которые покрывали гусеницы, сложившие на санях, покоробившим от мороза брезентом. Не прекращая ходить, он указывал рукой на трактор.

Тракторист, по-видимому, крепко спал, потому что Образцов долго пришлось дубасить по железной двери кабины. Наконец она распахнулась, да так неожиданно, что Андрей едва не слетел с гусеницы.

— Чего надо? — хмуро спросил Андрей. На его лице, почтением от северных ветров, сверкала морщина глаз и губы.

— Это ты на Новый собрался?

— А тебе до этого какое дело?

Такое начало разговора не сулило Андрею ничего хорошего. Он уже знал, что в Севере далеко не все свитается с новичками, что не все здесь Шмаковичи. Порой от новичка стараются отделиться, так как не верят в то, что он сможет принести пользу.

— Меня Шмаков к тебе послал! Я тоже на Новый! — Скатертью дорога! Ни пуха ни пера! — Голос у тракториста был хрипловатый, простуженный, тон неумолимый.

— А ты бери лопаточку! Не пропадаешь!

— Чего мне гадать? Я уже пропадаю.

Тракторист внимательно осматривал Андрея и спросил: — Трактор знаешь? Нет? А мотор? Только на мотоцикле ездил? — Подумав, уже более мягко сказал: — Ну, лезь в кабину, все не только место бредней занимать.

— А ты бери лопаточку! Не пропадаешь! — Мне, видишь, я, нужен же попутник, а помощник. Напарник мой заболел, а одному, сам понимаешь...

Чума выпятил из брючного кармана чаша-луковичку, посмотрел на нее и затем взглянул на Андрея:

— Ты готов?

приходится бороться не только с ветром, пургой и морозом, но и со снегом, то есть с самим собой. И он побеждает! Каким же должен быть этот человек? Богатырем, великаном! А откроешь глаза, посмотритишь — вот он рядом с тобой: худой, остроглазый, курносый, ничем не приметный.

Трактор вдруг круто свернул влево и едва не наскочил на почти отвесный склон горы. Андрей инстинктивно схватился за рычаг и что есть сил потянул его на себя.

— Чума!

Тракторист открыл глаза. Хмуро спросил:

— Чего?

— Дремалешь?

— Вылезает. — Чума виновато улыбнулся, остановил трактор и вылез из кабины. Он тряхнул головой, потом сбросил рукавицы, взяв пригоршню снега и растер в лицо.

Отдохни, — мягко сказал Андрей. — А я постою... Он поднял несколько деловом, крепкого вида человека, восточную в кабине, забавно поправил оленьи шкуры, которыми были прикрыты пол и двери.

— Нельзя отдыхать, — ответил Чума. — Время не позволяет.

И они снова закатились на ухабах.

— Как ты толкнул тут дурку? Неважно!?! — с возмущением прогрозил Андрей. — Ведь ни черта не видишь!

— По слуху. Как с дороги сообщают, так трактор мяче идет. — Чума нарочно взяла несколько правее. — Слышишь?

Толчки действительно немного уменьшились, но шум мотора остался таким же.

— Слышай, дай я немного поведу машину, — предложил Андрей. — А ты мене поправляй, еса у меня что не поучаешься.

Но Чума не ответил. Он напряженно всматривался в спящую стену снега, потом погасил фары. Дальше трактор пошел в полойной тень. Он неслось резко, но поперек казалась, что машина вывозится из сил.

— Перевали! — крикнул Чума. — Вылезай!

Он остановил трактор и пошел смотреть дорогу. Возвратясь, сказал: — Попробуем с разгона.

Машина сделала широкий поворот и снова, вздрев, пошла в гору. Но ничего путного из этого не вышло. Тогда Чума похотелась вести машину «елочкой», то есть зигзагом. Но и это оказалось бесполезным.

— Не выдвигай, — вздохнул, сказал тракторист. — Ведь тридцать тонн груза!



Рисунки Ю. Ракутина.

И лишь тут Андрей вспомнил, что грузчики предупреждали Чуму, чтобы он не рисковал, не брал двое саевей, но тот выстоял на своем. «Хотел, наверное, лишнюю тысячу и карман положить» — с неприязнью подумал Андрей — Вот и положил.

Тракторист вновь выскочил из кабины и скрмылся во мгла. Ветер яростно захлопнул за ним дверь. Вернулся Чума молчаливый и озлобленный. Лишь за гробием перевала Андрей понял, что водитель вынужден был отступить один сани. На то, чтобы возвратиться за вторыми санями и вытнуть их через перевал, ушло почти пять часов.

Днем ветер снова стал кричать. Он был и свистел так, что заглушал рокот мотора, срывая с дерюк оленьи шапки, забрасывая в кабину целые комья пригоризов снега. Все смотровое стекло покрывалось твердой ледяной коркой. Трактор дышал тяжело и прерывисто. Бревенными Чума останавливался, лавал, мотору передышку, потом снова гнал машину вперед. Наконец, у крутого берега реки мотор поперхнулся и стал чихать. Тракторист открыл дверь и сирванула на землю. Потом полез в бак.

— Скорее! Топор! — приказал он Андрею. Сам схватил ведро и, торжидно выловив из их цепки и паклей, исцел в крутящемся снежном вихре.

Андрей божал за ним, еще не понимая, куда и зачем они спешат. Ветер сбивал их с ног, рвал на них одежду, заносил за ворот острые снежные игол.

— ...О... ей! — слышала Андрей обрывки слова, настойчиво повторяемого Чумой. Это, по-видимому, значило: «Скорее!». И вдруг он догадался: оный бегут куда-то за горючим, так как его запас в тракторном баке кончился. Да, времени не терпит! Надо спешить! Реснички сжались, и он божал почти вславу.

— Здесь! — звонко заорал Чума, останавливая Андрея. Тракторист выхватил у него топор и стал рубить дерево, на котором висела кем-то привязанная лопата. Когда дерево рухнуло, Чума быстро отбросил лопату, привалом Андреем раскапывать какой-то сугроб, а сам ста с той же яростью рубить соседнюю лившияну.

— Живе, Андрюшка! Неиство работая лопатой, топограф вскоре почувствовал, что она натолкнулась на что-то твердое.

— Есть! — В его голосе прозвучала неподдельная радость. Андрей еще не знал, что именно есть, но чувствовал, что это то, за чем они прибожались к этому дереву с привязанной лопатой.

Чума тем временем успел разжечь костер. Потом он кинулся на помощь, и они вместе подкапывали откопанную бочку к огню.

Потом, когда горючее оттаяло, Чума схватил ведро и стал черпать в них буроватую густую жидкость. Обратно их нес ветер. Андрей едва успевал переставлять ноги, чтобы не ступил носом в сугроб, не расплескать драгоценного горючего. Порой он вынужден был левой рукой опираться на снег, а в правой, балансируя, держать ведро.

— Чума! — кричал он, стараясь не отставать от товарища. И снова Андрей увидел тракториста только тогда, когда наскочил на него всем телом.

— Ты! — радость выдохнула Образцов, но сразу же замолк, пораженный видом тракториста. Чума не зашел в кабину, не спиргался от пуги. Он сидел на гусенице, упревер локти в колени и положил голову на кулаки. Ветер сырвал с него с рязательную элодурку, но он, казался, не замечал этого. Влага его была устремлена вверх, губы стиснуты, на прокопченных щеках бродили упругие желваки.

— Держи, — протягивая ведро с горючим, сказал Андрей. Тот грустно взглянул на него и безнадежно махнул рукой. И только тогда Образцов заметил, что трактор молчит. Горючее опоздало. Он по-задумался — крикнул Андрею. — Двиатель не зстыл!

Чума горько усмехнулся и поднял капот. Там, где должен был находиться пускач, зияла черная пусота: заводить было нечем.

— А пешком до Нового! — глухо спросил Андрей. — Двести двадцать километров до присады, двести сорок до Урман-ч... Выбирать. А дорога не обжата, сам видел, наш склад с лопатой. Все временно... с той же безнадежностью в голосе произнес тракторист и вдруг сильно стукнул кулаком по гусенице, закричал яростно и дико, грозя какому-то неизвестному Андрее механику: — Сволочь калетать! Лишнюю бочку солярки пожалял! Пускач не захотел, а воскреснее ремонтировался. А того не знает, проклад, что на Новом запас худа кончилась! Подожди же, приятель, вернусь я в Урманч!

Ветер деловито хлопотал вокруг трактора, гусеницы постепенно заносило снегом. Стоять у машины было очень холодно. Поэтому Чума и Образцов полезли в кабину и затопили печурку. «Что же теперь делать! — подумал Андрей. — Как поступит тракторист? С тех пор, как заглох мотор, он сразу ощутил, до чего страшно здесь, в тайге.

Пошли, — твердо сказал Чума, поднимаясь. Он взял мешок с продуктами, открыл дверь кабины и стал выбираться наружу.

— Куда пошл! — недоуменно моргая глазами, спросил Андрей. — В гостиницу «Золотой рог», — сухо ответила тракторист. Потом объяснил: — Есть тут одна халаула, в ней и переночую.

— Аааа! — Андрей схватил шты чемадан.

— Ты, может, и сани привезишь! — иронически заметил Чума. — Ведь в них на триста тысяч всякого добра.

Андрей смутился и положи чемадан. Но на душе было неспокойно: в чемадане — документы, деньги...

— Не бойся, — успокоила тракторист своего спутника. — Будет как в северных. Ну, трюк oneself!

И они пошли, по колено утопая в снегу. Наступала ночь. Правда, ветер гнал снег только пониу, а сверху хотя и шумно, но еще были различимы черные пятна деревьев. Неожиданно Чума остановился и хмуро сказал:

— Подожди здесь. Я скоро вернусь...

— Куда ты? — К машине. Дело есть... Да не стой ты под деревьями, прихлопнуть может. — Потом добавил: — Разожги пока костер. На-ка вот! — Он отступил от пояса оковичный нож и протянул его Андрею.

— Может, адоем вернемся!

— Нет! Я идию... Про костер не забудь! Андрей остался один. В лесу что-то сухо и коротко треснуло. Это, наверное, мороз разорвал дерево. Мерещилось, что где-то поблизости бродят волки. Не их ли сверкающие мертво-зеленым блеском глаза видны во мглу, среди сугробов? Нет, это, кажется, мерцают звезды. Он попробовал разжечь костер, чтобы согреться, но прожались щепки никак не хотели разгораться, и он бросил эту затею, уминаясь тому, как ловко и быстро умна разводять огонь Чума...

Но почему он так долго не возвращается? Что могло случиться? Надо, пока не поздно, возвращаться к трактору! Скорее, пока ветер еще не занес следов Чумы! Андрей звалид мешок с продуктами на спину... с мушкетером... Топор за шеей. Приадем, если до нашей гостиницы доверемся не доберемся. Буран будет.

И Чума пошел вперед. Никогда еще Андрею не было так трудно, как в эту ночь, на этой треклятой дороге, но все же стараясь не отстать от Чумы.

Некоторые время они шли в палео затылок, их, наконец, прикрывала от ветра какая-нибудь сопка. Почувствовал себя увереннее, Андрей хо-

тед даже взять у Чумы мешок с продуктами, помочь ему, но именно в эту минуту вновь отбрыкнуло так, что он даже не смел открыть рот. Неожиданно Чума остановился и стал на колени. «Конен», — подумал Образцов, — парень выбился из сил и уже не сможет сделать дальше ни одного шага». Но, странное дело, тракторист вдруг стал разгребать снег руками, а затем разогнулся и радостно заорал:

— Нашел титан!

В его руках был лопата, самая обыкновенная деревянная лопата. Передоухов, он привалился разгребать снег. Он сопел и фыркал, чуть ли не с головой исчезая в сугробе, и наконец сказал:

— Водой!

Андрей издохористо усмехнулся и положил, пока его спутник войдет первым. «Гостиница», куда они поехали, представляла собой обычную избу из толстых, едва оструганных бревен. Чума, понажив добычу руками, нашел свечку и зажег ее. Андрей увидел два деревянных топчана с матрасами и толстыми ватными одеялами, две табуретки, столик с кастрюлями и железную бочку, переоборудованную в печку. В печке лежали аккуратно сложенные шпекля, а перед ее дверцей — сухая дрова. На столе стояла кастрюля со льдом и кусками сырого мяса. На полке — чайник, тост со льдом, и лопатка чая. «Уму непостижимо!» — изумился топограф. — Кто же это так заботится о тех, кто в пути?»

Чума чиркнул спичкой, и в тот же момент, словно только и ожидала этого, печка радостно загудела. Вскоре в тесной «гостинице» стало тепло и даже уютно. Потолок в избе нависал так низко, что Андрею приходилось наклонять голову, чтобы не удариться лбом о поперечную балку. Расстелив лед и налив воды в кастрюлю с мясом, тракторист сказал:

— Эй, жаль, что картошки и бубарок нет! Салага бы борщ, настоящий, красный, украинский. Впрочем... Он пошел в свой мешок и достал пакетик пахучего лаврового листа и железную бочонку с черным молотым перцем. По-хозяйски расположившись у печки, помещая в кастрюле ложку и довольно усмехнулся. Андрею показалось, что тот уже забыл и о брешном на дороге тракторе и о только что пройденном пути.

— Почему ты об украинском борще вспоминал? Ты что, с Украины? — Нет, здешний. С Сучана. Отец шахтером был. Он, правда, сильно на казак смахивал и даже чуть носил.

— А зовут-то тебя как? Который день в пути, вместе в беду попали, а фамилии твоей я так и не знаю. Тракторист насторожился:

— Беда никакой пока нет! Повял! Какая тут беда, если мы с тобой уживать в тесне собираемся!

— А зовут-то как все-таки? — По паспорту Петром Чумаковым значусь, ну, а на Коляске Чумой для краткости зовут. Я, впрочем, не обижался. Это не по злобе.

— Чумак? Выходит, ты и в Крыму с Украины родом? Прадеды твои, наверное, чумаковали, соль из Крыма на полях возили.

— Может, и так. Это, значит, в крови у нас — в дороге быть. Они с аппетитом поели, а затем, разморозив телятам, завалились на топчанах и сразу заснули.

Андрей проснулся первым. Он разжег огонь в печке и поставил чайник. Единственное окно в избе завесало снегом, и поэтому для того, чтобы увидеть, какая погода на дворе, Андрею пришлось открывать дверь. Он едва не отпирнул: в глаза ударила нестерпимо яркий свет. Силою солнца, ветер стих, и лишь деревья сметка потрескивала от мороза...

Возвратясь в избу, Образцов заварил чай, открыл топчору банку супа той тушени, сложил мясо на сковородку и поставил ее на печку. Пора было завтракать, но Чумаков продолжал безмятежно спать. Он, по-видимому, так устал за дорогу, что ему и стужа не хватала бы для того, чтобы отоспаться. Неосторожно ступил, Андрей зацепил за пустое ведро, и оно с шумом упало. Тракторист сразу проснулся и потянул носом воздух. Потом спросил:

— А про чай не забыл?

— Все есть! Умывайся и садись к столу...

— Ну, добро.

Когда они поели, Андрей сказал:

— Пошли!

— Как так «пошли»? А кто о других позаботится? Ах, да кто ли! — Тракторист сунул в руку Образцова топор и сухо сказал: — Заготовь-ка щенок, да побольше.

Сам он старательно вырезал ломтиками кусок мяса и сложил его в кастрюлю, выложил картошкой, льдом чайник, вынул из мешка четыре банки консервов и положил их на полку. Помедля с минуту, словно что-то забывшая, вытаскил из кармана последнюю четверть пачки чая и положил рядом с чайником.

— Помой посуду! — тем же строгим тоном приказал он Андрею, складывая у печки принесенные им шпекля. Затем, торопливо завернув в промасленную бумагу коробок спичек, спрятал его под подушку. Уходя, он оставил записку: «Была 21.3. Спички под подушкой. Чума».

— Это ты для кого стараться? — спросил Образцов.

— Для каждого, кому повандится крыша над головой, — невозмутимо ответил тракторист.

...Примерно километрах в трех от «гостиницы» Андрей услышал далекий, едва уловимый стрекот мотора. Он остановился: да, несомненно, где-то шел трактор.

— Петро! Машина идет! Скорее!

Тот взглянул на него с изумлением и продолжал идти, не убавляя хода. «Надо остановить эту машину, попросить о помощи», — решил Образцов и чуть ли не бегом кинулся вперед. Рокот мотора становился все более слышимым. На повороте дороги Андрей перевел дух и огляделся. Никакой другой машины поблизости не было. Это работал мотор трактора Петра Чумакова.

Сразу смекнув, что у машины побывали неизвестные люди и что они могли не только завести двигатель трактора, но и загнать в чемадон, лежавший на саян, Образцов снова ускорила шаг.

Снег вокруг трактора был перепачкан гусеницами и заилт солеровым маслом. Немного поодаль остались следы костра. Видимо, кто-то долго и упорно разогрел машину Чумакова, а потом таскал ее на буксире. Но тепер трактор снова стоял, заправленный в саян, а к его кабине была прикручена бочка с горючим.

Андрей подошел к саяну и отдернул брезент. Чемадон лежал на старом месте, но на чемаде были видны жирные отпечатки чьих-то пальцев. Андрей торопливо поднял крышку. В чемадоне все было перерыто. Но деньги и документы оказались нетронутыми. Были целы и все пачки чая. Исчезла только одна пачка шпириса.

В это время к трактору размеренной и неторопливой походкой подошел Чумаков. Он молча осмотрел машину, проверил сцепления, заглянул в бак и пошел в кабину. Андрей сел рядом с ним и полагая движением протянул ему пачку «Белошора». Чума взял шпирису и сунул ее за ухо.

Трактор дернулся и легко побежал под уклон, оглашая тайгу веселым, дождливым рокотом. В это время с сиденья слышался какающий финишный топчана. Андрей поднял ее. На ней крупными непослушными буквами было написано:

«Вдлу с грузом на Новый. Пускача нет. Отсыжания в «Золотом роге». Выручайте. Чумаков».

Ниже уже другим рукою написано: «Возраждения пороженком в Урманге. Очень хотелось курить. Вздл пачку. Иванов».

Андрей, задыхаясь от волнения, повертел дощечку в руках, потом протянул ее соседу. Тот равнодушно скользя по ней взглядом и молча кивнул головой. Потом сказал:

— Дай-ка свечку.

Его руки продолжали уверенно держать рычаги могучей машины, а глаза, сияние и светлые, пристально смотрели вперед, на золотистую от солнца даль сопок. Андрей заботливо поправил за его спиной сползшую оленью шкуру.



ТОРУТВО

Бригадир посмотрел на часы и подошел к розетке парня в комбинезоне, сматывающему с верстака стальные опилки.

— Ну вот и все, Виктор, — сказал он. — Кончилась твоя последняя смена!

Вроде кончилась.

К ним подошел третий. — Обижать будут, — он кивнул головой куда-то в сторону, — только дай знать. Доло свое звание, все три рассмеялись. Бригадир начал не спеша убирать свой инструмент.

— Ты, в общем, не теряйся, — говорил он Виктору. — Сюда пока неглядывай.

Виктор уходил из бригады. Это было решено неделю назад и самими рабочими и начальником цеха. В бригаде оставались двое.

...Работали на сборочном участке трое парней — три слесари: Иван Колочков, Андрей Сенин и Виктор Егармин. Дело свое знали они досконально, и если поручал им мастер, к примеру, сборку коробок контактных колец, то мог быть совершенно спокоен: будет и тем и качеством. Работали слесари-сборщики хорошо, но в одиночку, каждый сам по себе, каждый по своему наряду.

Как-то раз Андрей Сенин обрабатывал на станке крышку электродвигателя. Деталь была тяжелая, Сенин с трудом поворачивал ее на столিকে и вплотную чертыхался.

Дай же помощь, — подошла к товарищу, сказал Егармин.

— Ничего, — начал было Сенин, но Егармин уже взялся за крышку.

Вдвоем они обрабатывали деталь за несколько минут, намного раньше положенного времени... А потом, после смены, Сенин сказал, обращаясь к Егармину и Колочкову:

— Может, объединимся в бригаду? Две руки хорошо, а шесть все-таки лучше.

Егармин хлопнул Сенина по плечу и весело улыбнулся: — Бригадиром будешь ты, Андрей.

Так в двадцать пятом цехе электромеханического завода имени Владимира Ильича появилась еще одна молодая бригада. Привычная заповедь: «Все за одного, и один за всех» — с первого же дня стала для сеенинской бригады и правилом, и законом, и главным источником сил...

В ту пору по всей стране подхватывали почин московских железнодорожников. И три слесари-сборщика включились в борьбу за звание бригады коммунистического труда.

Участок сборки не сенситивен, пока ни поточной линией, ни автоматами: слишком разнообразен характер и велико число операций, которые приходится выполнять слесарям. Бригада Сенина имела дело с простыми инструментами — ключами да пилами, сверлильным станком да тисками. А работать надо было по-новому — лучше, чем прежде, потому что сеенинч, как, впрочем, и весь коллектив завода, решили выполнять план по производительности труда не за семь, а за пять лет.

Бригада отлично понимала, что тут уже недостаточно силы рук, даже и шести, даже и самых спорных... Можно довести до совершенства умение владеть гаечным ключом и, отработав смену, не испытывать особой усталости. Но все равно при сборке, скажем, колопака, две гайки надо закрутить, а две гайки надо закрутить дважды заводом. Можно стать виртуозом, работая на тисках, но все равно, чтобы зажать деталь в тиски, надо затратить несколько секунд...

Да, работать надо было по-новому. Бригадир предложил своим товарищам механизировать все, что подвергалось хотя бы малейшей механизации. Зачем пользоваться простым гаечным ключом, если можно применить пневмогайковёрт? И не обычный, а расчитанный сразу на две гайки... Зачем вкручивать крутить винт тиском, если можно заставить работать воздух и зажимать деталь мгновенно?

Сеенинцы наметили первый план, наметили с таким расчетом, чтобы, выполнив его за три месяца, поднять производительность труда на десять процентов.

Этот план они назвали творческим. Он и по сей день висит на стене, над верстаком, в простеночной деревянной рамочке. И хотя рядом с ним вывешен еще четвертый творческий план, тот, первый, отпечатанный типографским способом, очень дорог рабочим, потому что это был не только первый их план, но и первый творческий план в стране.

Творчество стало девизом бригады. Менялся состав ее участников, слесари вносили большие десятки рационализаторских предложений. Они изготовили пневмостол, заменили сборочный стол рычагом, механизировали шарку резьбы на корпусах роторов, сконструировали пневмогайковёрт... Все эта работа давала удивительные результаты: три слесаря, еще недавно собиравшие вручную резьбу на корпусах коробок контактных колец, начали предьявлять контролеру ОТК



АНДРЕЙ СЕНИН.

Фото автора.

по триста, а иногда и больше изделий. И не в месяц, а через каждые десять дней! Контролер качал головой, придирчиво обходя осматривая все коробки, но оценка качества была неизменно отличной.

Прошло полгода. Бригада, давно уже завоевавшая звание коммунистической, окончательно окрепла, стала одной из лучших не только на заводе, но и в столице, а имя своего бригадира, молодого коммуниста Андрея Сенина было занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ. Слесари реализовали три творческих плана и составили четвертый. Производительность труда в бригаде выросла на 43 процента!

...Однажды, выполнив сменное задание, слесари присели на верстаке и завели разговор о работе. Сенин сказал, что при таких темпах они выполнят семилетку не за семь и не за пять, а за три года.

— И даже, пожалуй, вдвоем, — подумав, добавил Егармин.

— Выходит, третий лишний, — пошутил Колочков.

— Выходит, лишний.

— Я пойду к начальнику цеха. — Сенин спрыгнул с верстака и отрухнул комбинезон. — Сейчас же пойду...

Разговор с начальником занял не больше пяти минут. Бригадир объяснил обстановку. Дело стало доходить до того, что нередко на участке возникало «аварийное» положение: слесари создавали такой огромный вал, что рабо-

тать им было не над чем, и для бригады срочно подыскивались иные задания...

Надо, Сенин, — сказал начальник. — Мы с парторгом что-нибудь придумаем.

Через день начальник цеха сам пришел на участок. Он постоял в стороне, наблюдая за работой слесарей, а потом подошел к себе Сенина.

— Егармин, кажется, на пятый курс перешел?

— На пятый, — сказал Сенин. — Дипломник. А что?

— Мы с парторгом были в конструкторском бюро, говорили с Панфиловым. У них есть свободная должность — старший техник-конструктор...

Как думаешь, погнет Егармин?

— Егармин да не погнет?!

— Сенин махнул рукой товарищу: — Иди сюда, Виктор!

Хочешь стать конструктором?

И вот Виктор Егармин отработал в цехе последнюю смену. Завтра он уйдет на новое место — в конструкторское бюро.

Сенин не спеша собирал инструменты.

Работа у тебя будет интересная — модернизировать станки, — говорил Сенин. — Конечно, нелегкая, сам понимаешь... Но ты не теряйся. Главное — наш лоузиг помни: творчество!

Н. НЕПОМНЯЩИЙ

г. Москва. Электромеханический завод имени Владимира Ильича.



В ФОНЕ ТЕАТРА. Н. ПОГОДИН БЕСЕДУЕТ С В. ТОЛМАЗОВЫМ.

ДЕТЯТА ВЪНЕ

Фото М. Муразова.

Толя Скобелев веселился. Он плотно привалился к стене, жмурил глаза от удовольствия и тихо шевелил губами, словно пережевывая вкусную новост.

— Слушай, бригадир, — обратился он к Михаилу Ромашову. — Сапша своей деятельностью итог подводит. Все! Достиг Сапша Лукьянов сияющей вершины. Классик! Давая-ка, Миша, отсюда потихоньку смыкаться: завтра здесь музей будет.

— Это ты насчет чего? Что ты там еще наработала, комористы? — забеспокоился Ромашов.

Скобелев осторожно поднял палец. Тут исторический факт происходит. Наш Сапша портрет вон на всю стену повесил. Скоро венки от благодарного народа принимать будет, а пока он розы на базаре купил. Знаешь, такие, из бумаги? Красненькие!

— Ну, сейчас я покажу эту мою классику! — разволновался Ромашов.

— Подожди! — уцепился за него Скобелев. — Все дело испорчено. Войдем, будто ничего не знаем.

Сапша Лукьянов сидел на стуле посередине комнаты и задумчиво рассматривал фотографии.

— Выдаст? тихо подтолкнул Ромашова Скобелев. — Картина! — Потом ласково повернулся к Лукьянову: — Здравствуй, Сапшенька.

— Здравствуй, — хмуро повторил за ним Ромашов.

— Что это вы, ребята? Мы же сегодня выдвинули, подозрительно спросил Лукьянов.

— Да нет, кажется, я тебя как следует только сейчас увидел, — начал Ромашов.

— Ты его, Сапша, не слушай, — засмеялся Скобелев. — Он сегодня не в деле немного. Ему Знаида Николаевна в партерке скакала: «Что-то ты, Миша, задавать начал! Того и гляди свой портрет над заводскими порогами вывесить!». А ты, Сапша, никак помпировать собрался?

— Уже и портрет приготовил, и розочки, как на кладбище, — подхватил Ромашов. — Только мы тебе, Сапша, поможем не дамим. Ты еще бригаде нулеи. Снимай-ка свои паматки.

— Смешные вы люди! Это же я так, для красоты повесил.

— Снимай, снимай! Твои розы только в кучицы вытаски. А нам чужими цветами живи!

— Об этом случае я узнал позавчера, когда познакомился с настоящими героями новой пьесы Н. Погодина «Цветы живые» — ребятами с Ленинградского металлургического завода.

Живым цветом нашей действительности, людям бригад коммунистического труда посвятил свое произведение выдающийся советский драматург. Я попросил Николая Федоровича Погодина рассказать о том, что подталкивало его замесить пьесу, ее художественное решение.

— Движение бригад коммунистического труда заинтересовало меня сразу же, как только я услышал о нем, — сказал Погодин. — Было в нем много позитивного на первые ударные бригады, на стихановское начинание, свидетелем которых я был, и в то же время что-то настолько отличное, новое, что сразу заставило меня ощутить и понять эту разницу и рассказать о своем отклике всем. Я встретил людей, которые убедили меня в своей силе, в большой жизненной правде своих надежд и мыслей. И не побоялся бы отправить любого из зрителей, как бы он ни был настроен, на Ленинградский металлургический завод, в бригаду Михаила Ромашова.

Моя пьеса уже была написана им, этими ребятами, еще до моей встречи с ними. Их молодость, уверенность, их беспокойство были настолько заразительны, а деле настолько анализальны и глубокими, что я почувствовал большую ответственность перед этими людьми и перед теми, кто спросит потом: «А как начиналось теплеешее сегодня?»

— Очень многое из того, что происходит в пьесе, взято мною из истории первой бригады коммунистического труда металлургического завода. Я писал своего Николая, глядя на Ромашова. И для того, чтобы создать настоящий характер, мне надо было быть только честным.

Я хотел показать в пьесе историю этого огромного движения и рассказать не только о существующем, но и о его будущем. Любому я могу сказать: «Поезжайте в Ленинград. Там вы увидите пьесу, которую пишет сама жизнь».

Вечером я уехал в Ленинград. Мы сидим с Ромашовым в небольшой комнате на Средней Охте.

— Многие еще нам не верят, — задумчиво говорит Ромашов. — Знаешь, есть люди, которые, если ветер, — спиной поворачиваются. Идут и назад смотрят. Бумажные розочки у нас один раз только были — два года назад. Только мы их вынули.

— Расскажите, — прошу я. И он рассказал мне историю с Сапшей Лукьяновым, о которой уже говорилось выше.

— Выбрать себе в жизни цветы живые или бумажные — это очень важно. А нам скрывать нечего. — Ромашов упрямо избегает черные брови. — Мы сейчас не подбирали — производственной бригадой начали. Равно было. И Володьку Крестьянкова в Доме атлета коньяком угощали. И вот я со всеми встречами да интервью терюем себе назваться начал. И Николай чуть с завода не ушел, когда его комната обошла. Об этом даже в пьесе есть. Мы не стесняемся. Хочешь, я тебе свой дневник дам? Прочтешь до пятидесяти девятого года, а дальше тебе Толя Скобелев расскажет.

— А ты сам забыл разве? — С пятидесяти девятого я не бригадир. У нас по очереди. Сейчас Толя. Потом другого выберем. Все время трудно. Всякие встречи, поездки заедают. Мы даже перед парткомво вопрос поставили, чтобы поменьше ездить, побольше работать.

Ромашов встал, вынул из ящика простого стола толстый коричневый блокнот и протянул мне...

25 ноября 1958 года

Сегодня! Уже сегодня мы — бригада коммунистического труда. Может быть, равно, Миша? Еще не все на заводе верят. В своем чете еще не все верят. Ну, что мы особенного показать можем? Кажется, это аванс. Еще надо отработать. Но все-таки, до чего же здорово!

4 декабря 1958 года

Сменщиков надо вернуть к себе. Вот если бы они стали коммунистической бригадой! Обидно, когда все уберется, ухаживаешь за станком, как за маленьким, а на нем ребята не глядя работают. На себя обижаться надо. Только за собой следить. Так и должны. У Ольги станок вывели на строй. Огорчили странно. Думал, уйдет, а он, чертущик, все у себя в порядок привел, потом нам помогал, с учеником занялся. Крепкий парень. Николай! Вечером укладной на рабочем собрали тонну лома. Опять одной бригадой вышли. Остальные поспеиваются. Вот люди!

5 декабря 1958 года

Николай Мартынинов, Володька Крестьянков, Толя Скобелев и Сапша Лукьянов ходили в детский дом. Там их ребята просто замучили своими вопросами. А потом решили содать и у себя три бригады ком-

мунистического труда. Ничего себе, а? Надо ходить туда как можно чаще. Толя жаловался, что с ребятами легко говорить, а с девочкам не знаешь, как и подступиться. Десят с завода организовано? По-моему, правильно.

9 декабря 1958 года

Семья и бригада. Это не мешать! Помогать, нет. С правильной семьей должно быть всякое дело легче. Значит, надо танцевать жене в бригаде дела. Это одно из главных. Сегодня с ними в Русский музей ходила Вали Крестьянникова. В следующий раз надо, чтобы были жены Мартынинова и Маня. И не только в музее, а везде.

27 января 1959 года

Открылся Двадцать первый стедл партии. Только что пришли из Дворца имени Кирова со слета бригад коммунистического труда. Что мы успели сделать до сегодня? Первыми начали областного. Каждую неделю устраивали субботники. (Хорошо, что теперь участвует весь цех). Сменщики борются за звание бригады коммунистического труда. Подружился с бригадой Нелли Скворцовой и в детдоме работаем вместе.



СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ



СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ЦВЕТЫ ЖИВЫЕ». В ЦЕНТРЕ НИКОЛАЙ — АРТИСТ В. КОРОВИН.



МИХАИЛ РОМАШОВ (ТРЕТИЙ СПРАВА) И ЕГО ДРУЗЬЯ ОБСУЖДАЮТ ПЬЕСУ И ПОГОДИНА «ЦВЕТЫ ЖИВЫЕ».

Что еще плохо? Не совсем ладно в семье Крестынькиных. Тут придется всем крепко подумать, чтобы поливать незаметно. А у тебя, бригадир, от выступления немного кружится голова. Это надо отставить, пока не заметили ребята.

— Ну, остальное тебе Толя расскажет, — громко говорит Ромашов. — Давай завтра встретимся у Зинаиды Николаевны. Несмотря на то, что Зинаида Николаевна уже не работает на заводе, она помогает нам, советует, делится опытом. Мы у нее обычно собираемся.

...Скобелев немного запаздывал. В слюнутой кепке, запыхавшийся, он остановился на пороге и заговорил торопливо и обижено:

— Зинаида Николаевна, никак не можем договориться Петра в нашем цехе оставить. К директору пойдём!

— А почему его у вас забирают? — спросил я.

Скобелев порывисто повернулся.

— Петя Мазия на пятом курсе Политехнического. Ясно, его на другую работу переводить надо. Так ведь мы его токарем оставим. Для него в своем цехе работы по горло.

— Ты успокойся, Толя, — взглянул на руку Зинаиды Николаевны.

— Вот дождем это дело, и успокойся. Хотя и потом вряд ли выйдет.

— Что, дела мешают? — спросил я.

— Успокаиваться? Мешают. Здорово мешают, — серьезно ответил Скобелев, снимая пальто.

— Другую работу подыскать надо, — улыбнулась Зинаида Николаевна.

— А у нас и так все время другие работы. Завод, — Скобелев загнул палец, — учеба, детский дом, еще один, тюрьма. — Посмотрел на сложенный кулак, быстро распрямил пальцы и вздернул белокурую голову. — Знаете, это очень интересно — тюрьма.

— А что вы там делаете? — удивился я.

— Диспуты проводим, встречи, рассказываем о работе, о делах, вообще о счастье.

— Здесь очень интересный был случай со счастьем, — повернулся ко мне Зинаида Николаевна. Действительно, это был очень интересный случай.

В Ленинграде проходила сессия Академии наук СССР по вопросам марксистской этики. На ее открытие пригласили членов бригады.

— Ребята! Ну что я буду сидеть с академиками? — взмолил-

ся выбранный Торцев. — Я философию мало знаю.

— Спрямый ты человек, Борис, — съехидничал Скобелев. — Ты ведь у нас философией совсем не знаешь. А с учеными ты не сидеть будешь, а разговаривать. В этот вечер собрался все вместе в общежитии, чтобы наметить вопросы. На следующее утро Петр Мазия и Борис Торцев первый раз в своей жизни пришли на заседание Академии наук.

Шел дождь о счастье. Торцев сидел рядом с Зинаидой Николаевной Немцовой, внимательно слушал и почему-то загнул пальцы.

— Зинаида Николаевна, — взволнованно зашептал он, когда зашумели аплодисменты, — я одиннадцать определенных счастья насчитал. А настоящее-то какое?

Потом выступил Петр Мазия, он делал доклад ученым о том, что такое новый труд, новые отношения, о том, что такое счастье.

На следующий день в бригаду пришла делегация ученых.

— А что же такое счастье? — спросил я, услышав этот рассказ.

— Ты же читал мой дневник, — сказала Ромашов.

— Вот детский дом, бригада, как семья, теперь и у Володи Крестынькинова с женой все хоро-

шо и жить интересно... Ты как думаешь, это что? — ответил Скобелев.

— После праздника Толя поедет в Москву, увидит премьеру пьесы о себе и своей бригаде — это тоже счастье, — сказала Зинаида Николаевна.

В день шестидесятилетия Николая Федоровича Погодина мы с Толей Скобелевым пошли на премьеру пьесы «Цветы живые» в Московский театр имени Ленинского комсомола.

— Николая артист Владимир Корвин играет. Интересно, похож на Ромашова? Они ведь не виделись.

Да, они не виделись, но артисты были на заводах Запорожья, говорили с десятками людей, похожих на Скобелева и на остальных ребят бригады. Они играли правду, и поэтому, когда на сцену поднялся Николай Федорович Погодин, режиссер Борис Толмазов, к ним подошел Толя Скобелев с цветами из металла, словно ожившими под руками его товарищей. И это тоже было счастье. И для Толи Скобелева, и для всей бригады, и для актеров, и для светского писателя, увидевшего первые распускающиеся бутоны этих цветов, живых цветов.

В. ШАЦКОВ



КОНСТРУКТОРОМ МОЖЕТ БЫТЬ ЛЮБОЙ!

Перед Владимиром Сулаковым на столе лежала стопка рационализаторских предложений. Он только что кончил просматривать их.

— Оботрал самые интересные, — сказал Сулаков. — Надо показать начальнику цеха.

Я попросил его рассказать о работе конструкторского бюро.

Это бюро организовало комсомольцы третьего листопрокатного цеха. Инженеры, техники, рабочие приходят сюда, в небольшую комнату, в свободное от смены время. Все задания они выполняют добровольно: конструкторское бюро организовано на общественных началах.

Вначале задача его была скромной — помогать цеховым рабочим оформлять рационализаторские предложения. Но вскоре стало ясно, что молодым конструкторам-общественникам по плечу и более сложные задачи. Они обходили все участки цеха, говорили с мастерами, технологами, бригадиром, начальниками смены. Составил тематический план бюро нацелив своими силами изменить неудачные узлы агрегатов, исправить несовершенные конструкции механизмов и машин, улучшить технологию...

Сулаков так увлекался рассказом, что не заметил, как в комнату вошел персонал лет двадцати пяти, в коротком пальто, в шапке-ушанке, сбитой на завязок. Позже я узнал, что зовут

парня Николаем, фамилия его — Лялька, а работает он укладчиком в лудильном отделении цеха. Раздвинул Лялька бросил на стол номер «Магнитогорского рабочего» и указал пальцем в небольшую заметку.

Читай! В заметке рассказывалось о почине старших лудильщиков третьего листопрокатного цеха — Алексея Шугаева и Михаила Явлинкина. Они предложили обслуживать каждый агрегат горячего лужения бригадой из трех человек вместо четырех. Решение было смелым: сложная машина со множеством узлов требовала большого внимания.

— Если подкачать это начинание во всех бригадах, — сказал Сулаков, — цех сэкономит сотни тысяч рублей в год.

— Подкачать. Но ребята надо помочь. — Лялька оторвал кусок ватмана и начал укреплять бумагу на чертежной доске. — Я тут схему одну набросал, хочешь вычертить как следует.

Сулаков подошел к чертежной доске.

— Это автомат, — сказал Лялька. — Он будет следить за листами жести на агрегате лужения. Понимаешь, обслуживать агрегат втроем трудно. На нем есть много несовершенных узлов, их надо заменить новыми. Сейчас же по листам следит старший лудильщик. Работенка, прямо скажем, нуднейшая, а главное,

непроизводительная. — Лялька постукал карандашом по ватману. — Это устройство освобождает лудильщика. Оно само будет следить за листами. Случится задержка — даст сигнал... Смотри, тут у меня несколько блоков. Вот датчики входа и выхода, здесь блоки усиления... Я достал фотоаппарат и сделал несколько снимков, а потом стал рассеянно слушать пояснения. Я думал не о блоках усиления и датчиках жести, а о полупроводниках и реле, о которых то и дело упоминал Лялька. Я думал о другом.

Мне казалось, что в конце концов дело тут не в схеме... Несколько дней назад два лудильщика начали работать по-новому, сознательно поплы на трудные условия. И сразу же к ним приходит на помощь товарищи. Вот Лялька разработал схему автомата. Завтра наверняка придет к Владимиру Сулакову, руководителю бюро, еще кто-нибудь и поделится с ним своими мыслями... Это-то и радовало!

— Хорошо придумано! — сказал Сулаков, когда Лялька закончил пояснения.

— Я считаю, ребятам надо помочь. — И я так считал, — кивнул головой Сулаков.

Н. ВАСИЛЬЕВ,
г. Магнитогорск,
металлургический комбинат.



СГОДНЯ АЛЕКСЕЙ ШУГАЕВ САМ СЛЕДИТ ЗА ПРОХОЖДЕНИЕМ ЛИСТОВ ЧЕРЕЗ ЧИСТИЛЬНУЮ МАШИНУ АГРЕГАТА ГОРЯЧЕГО ЛУЖЕНИЯ. А ЗАВТРА...



ЗАВТРА ЗДЕСЬ БУДЕТ УСТАНОВЛЕН АВТОМАТ — СЛЕДИТЬ ЗА РАБОТОЙ МАШИНЫ. С НАМИ УЧАСТНИК РАССКАЗЫВАЕТ НИКОЛАЙ РИЛЬСКИЙ О СЛАБЕ НОВОГО УСТРОЙСТВА ВЛАДИМИРУ СУЛАКОВУ!

«ТАЛАНТЫ КАЖДОГО СЛУЖАТ ВСЕМ...»

Не так давно в нашей областной комсомольской газете была напечатана необычная сказка. В ней рассказывалось о том, как случилось вылезти одному из мальчишек из клубных дверей пыльного замка и не было слышно там ни песни, ни смеха. Но вот пришел в село юноша-чародей. Он открыл свой волшебный чемодан — и вылетела оттуда песня, задорная, звонкая, огневая. Заскрипела радостью молодая лина. А юноша снова открыл свой чемодан — и слово выхлуподнятия всех! Пустились хлопцы в лиловый переплыв, аккуржились девушки в танце. Выла юноша пригрозил шуткам, раскидал их вокруг — ангинами они, заскрипели, и зазвенел молодой смех. От села до села, от клуба до клуба шел юноша-чародей со своей веселой линой. И отсюда, где он появлялся, навсегда исчезала скука.

В этой сказке большая доля правды. Сначала поселенца первым scorsoю восьмью музыкальным Шинниковой школы общественной профессии. А вдобавок еще и танцором с песнями да играми своеобразно придане массовиков-затейников. Это они провели в районе лютуют разновозрастных молодежных вечеров, и не без их стараний здесь увеличилась армия участников художественной самодеятельности.

Пусть таланты каждого служат всем...

Такой дозуб бросил комсомольцы Винницкой области. Они решили создать в области школы и университеты общественных профессий, позволяющие молодежи бойких, веселых, энергичных хлопцев и девчат и подготовить организаторов культурного досуга.

Одними из первых были созданы школы массовиков-затейников в Шинкове, листоворателетов — в Лянже, распротранваторей кинг — в Томашполе, друзей зеленых насаждений — в Виннице. Слушателями этих школ стали рабочие, механиканы, библиотечники, колхозники. Учителя, работники районных отделов культуры, журналисты охотно согласились преподавать теоретический курс и вести практические занятия на общественных началах.

В том, что колхозники самохотартели Томашпольского района приобрели себе библиотеку, что от религиозного сента в Лянжском районе отшло 50 юношей и девушек, что в селе Кузюницы создана музей комсомольской славы, а в городе Тульчине организована любительская киностудия и предсказатель колхозов и колхозниц нарядки к хроникальному фильму о буднях села, — во всем этом заслуга тех, кто действует не по долгу службы, а по своей собственной инициативе, по общественному призыванию.

Комсомольцы, члены бригад коммунистического труда Песчанского района, ре-

шили возглавить на общественных началах клубы, стадионы, детские сады, библиотеки. Пример в этом подала комсомолка Майя Петрик. Она так интересно и живо организовала работу в клубе Вебелевского сахарного завода, что в кружки художественной самодеятельности вступили все молодые рабочие.

А кто не знает тракториста союза «Лянжа» Николая Кошурку! Он закончил факультет клубных работников Песчанского университета общественных профессий и стал во главе союзного клуба. Прейний список завлукбум всегда жаловался, что нет в селе ни советов, ни танцоров. Но стало Николаю Кошурку заинтересоваться ребят одним интересным вечером, как тут же появилась целая бригада самодеятельных артистов.

Подсчитано, что для полной кинофиданции области требуется 800 киномехаников. Комсомольцы решили подготовить, из своими силами в районных школах и университетах общественных профессий. Кстати сказать, это экономит государству около двух миллионов рублей в год! Прекраснейший дозуб винницких комсомольцев «Таланты каждого служат всем» — подхватил не только молодежь Украины. Его претворять в жизнь миллионная армия общественников всей страны.

г. Винница.

Б. ШТЕЙНМАН

КНИЖКА

Книги, вышедшие в 1960 году в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

«Труженники коммунистического общества» — сказала на Всесоюзном совещании рабочих соревнованцев бригада и ударников коммунистического труда Никита Сергеевич Хрущев, отличает высокое понимание сути гражданского долга, понимание значения своего труда, сознание выезда в обжитую область строительства коммунизма. Их отличает высокая культура, стремление к совершенствованию своих знаний, хорошее человеческое беспристрастие, собственное трудолюбие, воспитание в себе эти качества — задача людей, решивших работать и жить по-коммунистически, в будничной работе приближаться шаг за шагом к этой цели.

Миллионы строителей коммунизма, рассказывали в своих ярких выступлениях участники совещания. Их выступления объединены в сборнике «И победе коммунистического труда». Каждая страница его — это рассказ о прекрасных делах труженников заводов и фабрик, колхозов и совхозов, о тех, кто прокладывает путь в будущее.

В одной из комнат общежития живут четыре девушки-техники. Пона не полюбил Энка, в этой комнате мило трое. Четвертая уехала учиться музыке; младшая в комнате — Майя — ровесница. Взрослая девочка — в соседней комнате, а все звуки друг друга «двоячки»: девочки, Пойна обидается, майя же она самостоятельная. Второй год зарабатывает.

Там начинается книга Елены Успенской «Третья годовщина». В книге девять — героев этой книги — произошло большое событие: бригада, в которой они работают, решила бороться за звание коллектива коммунистического труда. Это событие заставило их о многом задуматься, многое пересмотреть заново. Для девушек, майя бы разные характеры и интересы у них не былинить, работать и учиться по-коммунистически стало совпадение их повседневного поведения.

В жизни не велика по объему, в ней около 50 страниц, но Елена Успенская сумела сделать средствами, на первый взгляд незначительными, интересными, раскрыть всю глубину мировоззрения своих героев, красоту их жизни.

В начале 1960 года прозвучал Лев Юрков, поэт Юрий Раузиновский и художник Александр Чепурнов. Они выехали в Сибирь, чтобы увидеть, как живут и трудятся там молодые металлурги Кузбасса, члены бригады коммунистического труда. Там родился сборник Л. Юрковского «3-я бригада». Читателя с интересом познакомит с рабочими Кузнецкого металлургического комбината, с их старшими товарищами, коммунистами. «Сталевары и Сен-Симон» — так называется одна

из глав книги. В ней рассказывается о собрании сталеваров, на котором рабочие решают бороться за звание бригады коммунистического труда.

«Черт побери! — говорит вадур мастер пещер Боган. — Человеку нужно бросить и то проблема. А мы кланемся работать и жить по-коммунистически... На звание ли мы, товарищи, не удержались в уютной Вилле такие идеалы». Идеалысты. Фурье, Сен-Симон, Кампалла...

И ему отвечает его же товарищ по работе. «Мы с вами увеев жарить стали», — выступает партросталь, — берем из шихты лущев. Вымываем примеси. Доводим до качества. Теперь научимся делать это с собой, со своим товарищами. Предупреждаю: это будет трудная технология». Бригада свернула слово, обещание — работать и жить по-коммунистически — успешно выполняется.

Двадцать восемь очерков вошли в сборник «Люди высокого звания». Среди авторов книги выступают известные писатели и журналисты: Владимир Коваленков, Татьяна Тасс, Борис Пелевой, Даниил Гранин, Анатолий Алексин и другие.

Интересно, увлекательно, жгуче рассказывают авторы о наших современных людях больших дел и держак замечаний.

Широна география произведений, включенных в сборник. Трудятся по-коммунистически и решими и шахтеры Донбасса и строители газопровода Старополя — Москва, ребята с Московского завода шифроборных машин и транспортники из Рубцовска. Читая сборник, особенно ясно муктавези, что движение ударников и коллективов коммунистического труда стало подлинно массовым и всенародным.



На маршруте: «НАУКА» «ПРОИЗВОДСТВО»

Фото автора.

Представьте себе два пункта. Один называется «Наука», другой — «Производство». В первом спаривают караван — «Прогресс», Его ждут с нетерпением на «Производстве».

Караван идет к цели. Не всегда путь прав и уютен, как автострада. А караван идет. Медленнее или быстрее, но идет. Его водят стойкие, мужественные, умелые люди, объединенные в бригады коммунистического труда.

О тех, кто, не боясь трудностей, ведет «Прогресс», мне и хочется рассказать.

НОВОЕ СОЗДАЕТСЯ И НА ДАЛЬНИХ ПОДУСТУПАХ

Еще здорово греет ноябрьское солнце. Вокруг — океан пушистых, белых снежных, комочков. Это хлопчатник — бонус золота Узбекстана.

3170 тысяч тонн хлопка идет в этом году Узбекистану! Это в два с лишним раза больше, чем в довоенном, 1940 году. Вдумайтесь в эту цифру. За ней не только вздох болюшья, колдовство сырья для промышленности, но колмо эдов больше народных и многих ситуаций плетов. Это еще и терпение, хлопкоборных машин, благодаря которым удалось достичь таких результатов.

Я стою на краю поля. Огромный ярко-голубой агрегат движется мимо. Это «ХВС-1,2» — лучшая в мире хлопкоборная машина. Не случайно американцы мечтают заполучить ее на свои поля. Им известно, что ХВС обладает большей производительностью, чем любая американская, что машина не портит нерасквашенных коровочек, что она проста и надежна. За день на ней можно убрать столько хлопка, сколько вручную едва соберут сто самых лучших, самых энергичных и трудолюбивых сборщиц: 20 тысяч килограммов!

В комитете комсомола «Ташсельмаш» я встречаюсь с Гаи Ходжаевым.

— Хотите писать о хлопкоборных машинах? Будет о чем рассказывать. У нас есть новости: скоро мы осмолм АНХ.

АНХ. Это бумаж расшифровывается просто: Академия наук — «Ташсельмаш» — Хлопкоборная. Они — словно символ неразрывной связи науки и производства.

Новая машина, которая скоро появится на полях, будет даже совершеннее ХВС. Она превосходит свою старшую сестру и по производительности и по качеству сбора. Но, что особенно замечательно, из одного и того же количества металла, при одинаковой затрате труда новых машин можно будет сделать в два раза больше, чем тех, которые выпускает завод сегодня. И еще: новый агрегат можно будет навесить на обычный трактор.

...Случилось это как раз накануне комсомольского собрания. На двери одного из цехов, что на самом краю заводского двора, появилась бумажная табличка: «Группа Института механики Академии наук УССР». Теперь уже все знали, что работы над АНХ вступила в решающий этап.

В тот самый день Борис Пелляция сказал ребятам:

— Если на собрании меня обвинят в том, что я пишу самолеты — не бойте, Бор! Что случится!

— В комитете и без меня спрашивают. А мне теперь надо в цех: готовить выпуск новой машины. Палаццо на заводе знает каждый. Несколько лет подряд комсомольцы избирали его своим секретарем. Энергий и принципиальностью, деловитостью и работоспособностью он заслуживает право быть вожаком заводских комсомольцев. Ребятам всегда хотелось походить на него и в работе, и в учебе, и в быту.

Борис говорит:

— Надо нам организовать особую бригаду—бригаду новой техники, которая бы помогла скорее выпустить АНХ. И, наверное, не одну, а много.

Первую такую бригаду создал сам Борис. Это было в инструментальном цехе. Конечно, трудно: после кипучей комсомольской работы, после учебы в техникуме стоять за станком и тут быть перам.

Бригада была очень разная: двенадцать парней, сложные и порывистые, женатые и холостые, умудренные рабочим опытом и юные, пришедшие прямо со школьной скамьи. Но у всех пятнадцать, что меньше чем за год завоевали почетное право называться бригадой коммунистического труда, была одна общая черта: все они искренне стремились открыть науке путь в жизнь, все они мечтали провести «Прогресс» по трудовому договору между теорией и практикой.

В этом, безусловно, есть своя закономерность. В бригаде двести рабочих со средним образованием. Остальные в этом году заканчивают школу. Это люди, познавшие «вкус знаний, «вкус» науки. Она для них не темный лес. Им ясно: с ней жить интереснее, лучше, легче.

В толстой тетрадке с клееным переплетом, дневнике бригады, который ведет Борис Па-

лацкий, мне встретилась такая запись: «Надо из всех сил стремиться к тому, чтобы открыть научным идеям путь для их превращения в металл, в новые машины, в новые химические процессы».

И эта заинтересованность проявляется нередко даже в простых, будничных делах, которые, казалось бы, и не имеют непосредственного отношения к техническому прогрессу. Вот один лишь пример.

Смена шла к концу. Лаврентию Киму позволили в цех и сообщили, что его больная сестра стало совсем плохо. Работа, всегда ладившаяся у Кима, валится из рук. К счастью, раздался гудок. Лаврентий поспешил к проходной.

Навстречу шел Борис.

— Знаешь, Ким, надо остаться. В механическом цеху не хватало инструмента.

Что сказать бригадир? Сказать, что позарез нужно ехать к сестре? А как быть с инструментом? Бедь орамы, которые заточают он, Ким, не умеет пока шлифовать никто из членов бригады. Значит, простит механический. Значит, АНХ не получит деталей. Значит... Но не сказать правды тоже нельзя... — Паслушай, Борис,— сказал Ким,— с сестрой совсем плохо. Вот если бы...

Ему не надо было договариваться. Через несколько минут Федя Ермак, Хамид Исраидинов и Вала Ледяева уже шли к Кимам. Лаврентий вернулся в цех.

Время от времени ему звонил Федя Ермак—сестре становится лучше. Но Вала останется у себя постели на всю ночь.

Пусть ребятам из бригады Борис Палаццо не приходилось подсказывать ученым новых решений, вносить поправки в расчеты и чертежи инженеров. Дело не в этом. Важно, что в созна-

нии людей работа с полной отдачей, даже на маленьком участке создания новой машины, стала первейшей потребностью.

В будущем году АНХ выйдет на поля. И если вам доведется увидеть, как работает эта машина, вспомните: здесь в каждый узел, в каждый агрегат вместе с трудом ученого вложен творческий порыв и сердечная ответственность рабочего человека.

ИНЖЕНЕР И РАБОЧИЙ В ОДНОЙ БРИГАДЕ

Четверть века назад, вернувшись из поездки по Средней Азии, Юлиус Фучик писал на страницах «Иуде право»: «Здесь, в Узбекистане, в этом великолепном и радостном разнообразии страны, со всей конкретностью чувствуешь, что коммунизму не мечта далекого будущего».

В буйном цветении социалистического переустройства Фучик увидел ростки коммунизма. Как раз в это время на месте кишлака Инзабек закладывались социалистические Чирчик. Сегодня социалистический Чирчик соревнуется за право называться городом коммунистического труда.

Промок, как струна, асфальтированные шоссе. Живится мотоциклист «Голосуюн».

— Подвезите.

— Садитесь.

Так знакомился со Славой Амминым, старшим инженером Чирчата. Четверть века назад от привез его сюда мещанином из руках. Сегодня инженер Адилсав Амминский работает на Узбекском заводе химического машиностроения имени Валиева в цехах. Рассказывает о заводе. О его людях.

Несколько сот наименований технологических аппаратов ежегодно выпускает «Узбекизмаш». Огромные котлы. В их утробе—трубки. Десятки, сотни, а порой многие тысячи. Еще несколько лет назад аппараты были клепаны вручную. Но они целиком сварные.

— Сварка для нас—то же, что воздух для человека,—говорит Слава.

Когда завод стал внедрять сварку, сварщики-ручные трудились, как говорится, в поте лица. Завод тогда делал крутящий шаг вперед. Но шаг этот вряд ли мог удовлетворить тех, кто смотрел в будущее. Был ясно, что на ручной сварке далеко не уедешь.

Сегодня на «Узбекизмаше» 57 процентов сварочных работ ведут автоматы. Ученые создали машины, которые варят металл под флюсом, позволяют скрепить электродуговой сварку, сварку в среде защитных газов и даже водяного пара. Методы, разработанные в институте имени Е. О. Патона, открыли перед машиностроителями новые горизонты. Надо было строить установки, на которых бы действовали патентные горелки и тракторы. — Вот и взяли мы за это дело,—продолжает Слава.— Было нас двадцать: одиннадцать квалифицированных рабочих и девять инженеров. Организовали бригаду. Так и назвали ее бригадой содружества, комплексной бригадой новой техники.

Они работали бок о бок—и те члены коллектива, рабочие места которых были в конструкторском бюро, и те, что трудились непосредственно в цехах.

Впрочем, такое деление не совсем точно. Издам с Адилсавом как чертежнику-инженеру в раз стояли и Изет Ибрагимов, и Альберт Прокофьев, и семья Чувшей—отец и сын, и Алексей Михайлович Гершман. А Адилсав можно было встретить в цехах, вооруженного сварочным аппаратом, орудующего дредней или работающего на карусельном станке.

Бригаде есть бригада. В ней порою делились и радости и трудности. Но наиболее драгоценным было ясное, чем другим, что значит для производства достижений в области техники, особенно быстро приспособившись к патентным тракторам для сварки прямых швов на химических установках. Заставили их напрямую соединять детали—металлические кольца, порой четырехметрового диаметра. Но когда нужно было создать сварочный автомат для колычато-угловых швов на установке для соединения шлангов с цилиндром, дело оказалось сложнее, чем это можно было предположить поначалу. Но инженеры все-таки нашли выход. Патентный аппарат они приспособили к установке-манулятору с поворачивающейся в любом направлении ланшицей. Чертежи nuove установили были сделаны меньше чем за месяц. В них были предусмотрены даже пневматические зажимы деталей: нажал кнопку—деталь закрепила, нажал другую—свободна.

Бригаде—каждый ее член—было надо в несколько особенностей—принялся за воплощение идеи в реальную конструкцию манипулятора.

Наконец все было готово и испытание. Взяли несколько изделий—принялся за воплощение идеи в реальную конструкцию манипулятора. И наконец все было готово и испытание. Взяли несколько изделий—принялся за воплощение идеи в реальную конструкцию манипулятора. И наконец все было готово и испытание. Взяли несколько изделий—принялся за воплощение идеи в реальную конструкцию манипулятора.

Манипулятор разобрали и собрали вновь. Не ошибки? Настройки не могли.

На следующее утро Василий Чулев и Изет Ибрагимов пришли на завод раньше других. Они заглянули в машину Славу, который всю ночь просидел рядом с аппаратом. Красными от бессонницы глазами он смотрел на Аруэн.

— Спущай,—сказал Изет,—а что, если спущу станок, не навешива бункер?

И рабочий развернул набросанную им за ночь сложную кинематическую схему. Через несколько минут станок запустили. Он исправно двинул своим «хоботом». Плавное вращалась ланшица. Секрет заманил стан уже. Противное соорудили тут же. Установка начала жать.

Бор. СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Ташкент—Чирчик,
Узбекская ССР.



ЭТО ЛАВРЕНТИЙ КИМ—ОДИН ИЗ ПЯТНАДЦАТИ ЧЛЕНОВ БРИГАДЫ БОРИСА ПАЛАЦЦО, СОЗДАВШЕЙ НОВУЮ ХЛОПКОУБОРОЧНУЮ МАШИНУ.

В редакцию поступило письмо:

«Господа,

Я осмелюсь передать Вам вырезку из довольно популярного журнала «Надзетт». Вырезка содержит статью, озаглавленную: «Молодой человек о Москве», написанную корреспондентом Чарльзом Клеменсом.

По моему мнению, Вы смогли бы дать оценку статье г-на Клеменса либо в виде письма, либо в виде печатного комментария с тем, чтобы американское общественное мнение знало русскую точку зрения.

С уважением Ваш
Полю Е. Пипу

Нью-Йорк.

ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗНАТЬ ПРАВДУ!

PAUL E. PEPE & ASSOCIATES

Public Relations

Outlines

I have taken the liberty to outline a treatment from the current issue of *Надзетт* magazine, a large-circulation publication.

The treatment contains an article entitled "Young Man About Moscow", written by a correspondent.

It is my opinion that you might like to comment on Mr. Klemens's statements, either in print or in a vit letter that is set up for the magazine reader. How shall the Russian viewpoint on this subject be.

Very
Respectfully,

Constantly,

Paul E. Pepe

Господин Пип!

Нас несколько озадачила Ваша просьба. Вы хотите, чтобы мы дали оценку статье небезызвестного Чарльза Клеменса, который остался после себя в Советском Союзе столь недобрую память. Представьте себе, что Вас оскорбят на улице хулиган, а посторонний наблюдатель подошел и спросил, правильно ли Вас оскорбили. Что бы Вы ему ответили?

Но нам хочется верить, что Вами руководило благородное желание сказать правду американским читателям. И не организация печатной дуэли в духе «колдодной войны», а открытый разговор, тема которого жизнь советского молодого человека, — цель Вашего письма.

Именно поэтому мы Вам и отвечаем.

Итак, статья Клеменса называется «Молодой человек о Москве». Но речь в ней идет скорее не о советском столице, а о самом молодом человеке.

Клеменс начинает свое повествование так:

«Среди моих новых друзей, с которыми я познакомился в одном из многочисленных роскошных ресторанов Нью-Йорка, во время деловых встреч, в экспрессе, бешено мчащемся мимо живописных окрестностей Вестчестера (в том числе и в действительности представляющей собой эту страну) как там живет и работает парень, занимающийся также же положением, как и я?»

«...занимающийся также же положением, как и я?» Если Клеменс спросит молодого разбойника, или перны

с фермы, или студент, или юная преподавательница, только что окончившая колледж, или младший научный сотрудник какого-нибудь научно-исследовательского учреждения, — они не найдут ответа: речь у Клеменса сводится к типичному советскому молодому служащему.

В подзаголовке к своей статье Клеменс заявляет, что будет сообщать факты. Так прямо и написано: «Facts». Поэтому он старается быть, вернее, выглядеть, документально точным:

«...я часто вспоминаю одного своего знакомого — жинердского холостяка Сергея Алексеевича Петрова, широкоплечего, короткого парня с темно-русыми волосами и привлекательным, открытым лицом. В свои 28 лет Сергей — прогрессирующий служащий Министерства внешней торговли... Он интеллигентно читает английские и американские детективы... Отец Сергея, Алексей Борисович Петров, родился в деревушке неподалеку от Ростова-на-Дону, в 1918 году он присоединился к красным... Во время гражданской войны дослужился до сержанта, а после нее проявил свой талант активного партийного работника...»

Работая в Харькове, он женился на дочери одного из советских офицеров и был на пути к сверхному величю чело, но в 1931 году у них родился сын Сергей, а спустя 4 года семья переехала в Москву, где отец Сергея получил должность в Комиссариате внешней торговли... Отец Сергея помог сыну устроиться в один из высших привилегированных вузов страны — Институт внешней торговли.

После пяти лет занятии экономической, международными делами, истории, марксизмом и английским языком Сергей в 1953 году получил место стажера в Министерстве внешней торговли... Ближайшие друзья Сергея — Анатолий Адрианов и Леонид Кузнецов. Сейчас Адрианов — один из ведущих журналистов газеты «Вечерняя Москва»... Клеменс настолько нескромен, что изложил даже интимную жизнь своего героя. Оказывается, тот встречался с двумя девушками одновременно — с Еленой Федоровой и Натальей Осиповой. Первая — дочь ответственного работника Министерства электростанций. «Она остроумна и весела, у нее острый взгляд на жизнь, живет на Котельнической набережной. Она была одна из первых, кто, посмотрев в августе 1959 года «Бабетту идет на войну», стала одеваться и причешиваться а-ля Брижитт и купаться в Серебряном бору в современном купальном костюме — «биники».

Вторая девушка — Наташа Осипова, 25 лет, мила и умна, преподает английский язык в средней школе. Отец ее работает на кондитерской фабрике «Красный Октябрь»...»

Словом, Клеменс сделал все, чтобы американские читатели поверили в существование Сергея Петрова и его друзей. Но, как говорится, факты — вещь упрямая. И мы должны сообщить настоящие факты.

Дело в том, что Сергей Петров — лицо вымышленное. Не существует и его отец. В газете «Вечерняя Москва» нет и не было «ведущего журналиста» Анатолия Адрианова, Выдуманы и Леонид Кузнецов, и Елена Федорова, и Наталья Осипова.

Как бы тому угодно можно было бы прийти, внимательно прочитав

статью. Но доказательства ради пришлось наводить справки в Центральном адресном бюро, побывать в Министерстве внешней торговли, в паспортном столе столицы, в «Вечерней Москве».

Достаточно пристально взглянуть на один, другой, третий абзацы статьи, чтобы убедиться, что Клеменс обманул не только американского читателя, но и редакцию «Надзетт».

Известно, что в марте 1957 года за грубое нарушение норм поведения иностранному «корреспонденту» Клемену предложено покинуть пределы Советского Союза. И он сразу уехал. Это факт, не требующий доказательств. Кстати, об этом много писали в Америке, в частности в «Эдиторе Эд Публишер» («Редактор и издатель»).

Клеменс заявил, что Сергей родился в 1931 году и ему «сейчас 28 лет». Стало быть, Клеменс мог встретиться с Сергеем лишь в 1959 году. Но ведь Клеменс в это время жил, как он говорит, в «живописном Вестчестере».

Вот еще цитата из статьи, здесь приводится требование Сергея о своей будущей жене:

«Моя невеста должна быть изысканной, чем пышноруднее и толстогабее «юды-транзистористки», изображаемые на наших плакатах, но и не такой толстой, как модельерши с прошлогодней американской выставки в Союльничках. Позвольте, американская выставка была в 1959 году. А где же был Клеменс?»

Иногда «бабетта идет на войну» — произведение 1959 года. Елена Федорова могла увидеть его в том же году на фестивале в Москве. Но как мог Клеменс из Нью-Йорка разглядеть прыщика Елены и ее «биники»?

Рысая по Москве, Клеменс встре-

Мистери Полю Е. Пипу.
42-я стрит, 36, Нью-Йорк, США.

чался с тунядами и стиглями (что греха таять, есть еще такие у нас. В семье, как говорят, не без грехов). Их характерные черты — отборный общак. Так повелось, как он пишет, молодой государственный служащий.

Вы согласны, господин Пип, что это мужливость?

— Будет обидно, если американский читатель поверит Кленчу, что «Москва — город, где не умеют и не любят одеваться», где только на официантах да некоторых (заметьте, нехорош!) артистах, да и то во время концертов, можно увидеть настоящей смюкин.

Неужели американские читатели (в мигион из них побывали в СССР), прочтя о наших девушках, которые — по словам Кленча, «измождены» слухом бабушки, ходят в гапашах и закручивают по глаза в темные платки», не возмутятся и не скажут: «Вотся треплясь, Чарльз!»

Кленч пишет: «Прелюдом мечтанной советской любви являются два фактора, символизирющие «счастливую жизнь: собственная квартира в Москве и собственная машина». Нет! Мечтан советского человека нет предела. Он мечтает о покорении космоса, о синтезе белка, об эффертивном лекарстве против рака и о многом, многом другом. Полагаю, что и рядовой американец думает о том же, а не только о собственной безработице и холоднощине.

Что же касается жилья, понимаете, господин Пип, мы строимся, делаем действительно много туговато. А теперь ежедневно тысячи семей въезжают в новые квартиры. Кстати, в том, что это именно так, убедился сам господин Херст. По дороге с Внуковской стороны он увидел огромные гигантские масштабы наших новостроек и был поражен. Разве Кленч не читает то, что пишет его шеф?

Наибольшая опасность статьи Кленча для американского читателя заключается в прелюдной полуправде. Прием испытанный. Не раз прибегали к нему западные пропагандисты, стараясь представить нашу действительность в нужном им свете.

Полуправда Кленча состоит в том, что им взят встречный, к сожалению, у нас тип прижогого туняеда, стигля, зрячного, истая говоря, той самой зады, которая пропагандистам предостаням которой является сам Кленч.

Мы боремся с подобными людьми. И если бы Кленч просто написал о таком «экземпляре», мы бы и отвечать ему не стали. У нас сличшим много больных и светлых дел, чтобы обращать внимание на этот выпад.

Но поскольку Кленч, журнал «Надежд» и Вы, господин Пип, рожаете статью Сердце как типичного представителя советской молодежи и просите нас высказаться по этому поводу, мы и отвечаем Вам.

Наша река — Миссисипи и Волга, — и наши народы, не представляют бы великим оттого, что выбрасывают порой на берег грязноватую пену. Но ведь Кленч роется именно в этой пене!

Он идет на поводу у многочисленных молодых строков. Например, на строительство Западнo-Сибирского металлургического комбината, где 12 тысяч юной и девушек создали целый

город и живут честной жизнью, полной преодоления трудностей, решившей задачи, светлых часов радостного отдыха. Нет, Кленч в ресторане ищет «типичного одиночку».

Не красная, он приводит выдуманные слова выдуманного Сердце:

«...наши дни в Советском Союзе гласны — это деньги и салвин. Всего в нескольких километрах от Москвы находится древний русский городок Вышний Волочек, где родилось замечательное, типичное для современной советской жизни движение — гаганосное.»

Тяжкая Вая Гагана перешла в отступающую бригаду, чтобы помочь подруге, помочь фабрике, государству. Не деньги решили дело: она потеряла четверть своего прежнего заработка. А сейчас по всей нашей стране — уже тысячи ее славных последователей.

Скажите честно, господин Пип: найдется ли у вас в Штатах хоть один такой человек?

Нет, деньги решают все в странах капитала. Там можно купить жизнь человека. За деньги был и Кленч, и Лауретт. И конечно, четыре доллар сыграли свою роль в том, кому сестра в президентское кресло. На Западе за деньги можно купить «сладкую жизнь». У нас же «сладкая жизнь» не является идеалом. Не за ней, а за «длинным рублем» поехала, например, наша молодежь на целинные земли. Государственность в высшем смысле этого слова — вот что типично для нас.

Вы, на Западе, никак не поймете, как это человек может ставить общие интересы выше своих, личных. Как это он может смеяться дурак об интересе предприятия, уж потом о своем заработке?

Мы считаем это величайшим завоеванием нашей, советской молодежи.

Но Кленч абсолютно прав, говоря о связях. Только кого с кем? Человека с коллективом. У нас, господин Пип, нет страшной бед, чем потерять связь с товарищами. Тогда человек становится отщепенцем. И наоборот. Нет большего счастья, как заслужить доверие и любовь коллектива. Тогда человек становится богатырем. Он богаче ваших миллиардеров.

Не думайте, что мы объединяем кленчей и американский народ. Напрасно ваш журналист старается заставить своих читателей поверить в то, что советский молодой человек «отбывает» вступиться лишь с диктором диалоговой программы «Голос Америки», что другие американцы его не привлекают.

Наша молодежь проявляет огромный интерес к жизни Америки. Редакция просит рассказать о Клиберне, Хемингуэе, Кенте, о том, как живется простому человеку в Соединенных Штатах. Не о ресторанных собесаждениях Кленча, с которым он сидел с ин-

дом заговорщика, хочет знать и рядовой американец. А самое главное, Ваш соотечественник хочет знать правду.

В самом деле, често того, чтобы прочесть гастрономическое описание типичной, по мнению Кленча, вечеринки советской молодежи, наш читатель мог бы увидеть — вечерах в Домах культуры, о том, что делают наши молодой человек, какие пьсы в театрах он видит. Так было бы лучше.

Но на нашу действительность Кленч смотрит сквозь ресторанное окно да в придуму через темные очки.

А что, собственно, такой, это Кленч? Кто он делал в Советском Союзе?

Сын банкира, корреспондент «Интервизии» Ньос Серанс, Чарльз Юэ Кленч, прибывший в Москву в марте 1954 года, был принят в СССР со всем радушием и гостеприимством. Он выполнял свои советские лужо. Ему были созданы абсолютно все условия для нормальной работы.

С чего же он начал?

«Не зная «чужой земли язык и нравы», Кленч обратился к целому ознакомлению с незнакомой столицей к услугам «Интуриста». Девушка-гид, дававшая ему объяснения, была крайне удивлена провокационным характером вопросов, которые задавал американский корреспондент. Потребовалась большая выдержка и такт, чтобы терпеливо и с достоинством отвечать ему. Искусствоведы и театралы пересказали далеко не Рублев и Репин...»

Когда девушка не выдержала и спросила, почему он так неприязненно относится ко всему советскому, тот ответил: «Превратившаяся в могучую державу после второй мировой войны, СССР несет великую цивилизацию. Я не могу поступать иначе».

Господин Пип, Вам не кажется, что от этого пахнет Пентагоном? Даже самому капризному и избалованному ребенку можно доказать разницу между хорошим и плохим. Нормы человеческого поведения общи и обязательны для всех людей. Можно относиться с симпатией или антипатией к тому или иному лицу, но ненавидеть целый народ может только человек без совести.

Кленч был таким безумцем. 3 мая 1954 года, то есть спустя немногим больше месяца после приезда, Кленч был задержан при фотографировании военного объекта в Министерстве иностранных дел ему велено напомнить, что фотографирование советских военных объектов отнюдь не входит в круг обязанностей иностранного корреспондента.

Ровно три года пробыл Кленч в Советском Союзе, страна, которую он раньше не знал и которую так и не понял. Изю в день он кропотливо свискивал нудистские и нагие обшества. Антисоветская слепота вызвала в

нем восторг, любой скандал был праздником, встреча с подонком — радостным событием.

— На улице, в магазине, в трамвае общественной уборной в туалете общады ходит русские и переводить мне все, — потребовал однажды Кленч от своего переводчицы. — Мне нужно знать все, вплоть до того, в чистых или грязных подштанниках ходят русские и переводить мне все, — потребовал однажды Кленч от своего переводчицы.

Переводчица Петухова настроил отказалась. Кленч крайне изумился: — Я же плачу вам, следовательно, это ваша прямая обязанность. Хотите услово.

И услово, изобретя гнусный предлог.

А вот и другая картина. Февраль 1955 года. В кабинет начальника Фотохронки ТАСС разазноно водит безденежно пьяный Кленч.

Предоставим слово очевидцу: — Обжеав мой стол, Кленч плюхнулся в кресло и начал рассказывать лекцию на тему «Снимки и кинофильмы». Кленч попросил его оставить в покое мои материалы.

— А что, неслы? Ну, не буду. Вышел из-за стола, подошел к дивану, улегся с ногами и начал дремать.

Однажды Кленч додумался разослать письма и письма уважаемым в нашей стране гражданам зунгаиским, если не сказать больше, открытки собственного изготовления. Это, мол, поздравление с Новым годом.

— У нас это принято, — заявил он.

Потом он плакался, что советские люди не приглашают его в гости.

— Даже в самой Москве меня окружают жалостливые завесы, — говорил он как-то на приеме. — Вот вы, например, — обратился он к одной женщине, — вряд ли осмелитесь пригласить к себе американца.

— Пожалуйста, приходите, — услышал он в ответ.

Больше, очень большое терпение проявляли к нему советские люди. Можно было бы рассказать, как он стучал кулаком и скандалил на Центральном телеграфном, том, как торговал поношенными пиджаками, утверждая, что они с плеча самого Вильяма Рандольфа Херста-младшего, о том, как пытался обратиться в антидогматическом духе некоторых советских юношей. Но, пожалуй, хватит о Кленче. Ибо, как сказал поэт:

Есть поддоцы, которых бьют, которых могут ие пнуть. Но прилагательные их яла бы кому мариать свой стик...

Итак, Вы просили нас прокомментировать статью Кленча. Суммируя сказанное, мы со всей ответственностью заявляем: эта статья, лживая, вредная, абсолютно дезориентирующая американского читателя, написана продажным писавкой агентства «Холодной войны».

НАШИ ДВА НАРОДА, ГОСПОДИН ПИП, ПОИМУТ ДРУГ ДРУГА И ДОГОВОРЯТСЯ О МИРЕ И ДРУЖБЕ, НЕСМОТРУ НИ НА ЧТО. ЭТОМУ НЕ В СИЛАХ ПОМЕШАТЬ НИКАКИЕ КЛЕНЧИ. НЕ БУДЕМ ЖЕ РАБОТАТЬ НА «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»! ДОГОВОРИЛИСЬ?

На предыдущих занятиях нашего «Университета» речь шла о том, как лучше обставить комнату, квартиру. Сегодня разговор пойдет с другим. Сегодня мы отправимся в гости к молодым рабочим Горьковского автозавода в свое общежитие. Автозаводцы называют его родным домом. И это не просто фраза. Здесь действительно созданы все условия для учебы, отдыха. Здесь живут так же, как работают — по-новому, по-коммунистически.

Как же молодые автозаводцы добились этого? Давайте послушаем, что рассказывают обитатели этого светлого многоэтажного здания.

ДОМ, В КОТОРОМ ОНИ ЖИВУТ

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Слово — Виктору Терехину

Комната, где собираются теперь члены бытового совета, пожалуй, самая людная и самая шумная. Все здесь решается быстро: проволочки не в привычке бытового совета. Скажем, так: в штаб поступило дельное предложение — организовать диспут по книге Тендрюкова «Зудоторна». Редактор стеной газеты Володя Монахов берет в руки кисть — и через несколько минут в коридоре общежития повалится яркое объявление.

Права и обязанности совета чрезвычайно широки и разнообразны. Бытовой совет проводит несколько раз в месяц санитарные рейды, борется за чистоту и уют в комнатах, организует моло-

дежные вечера, лекции, доклады. Еще не так давно многие ребята признавали только таинца, а сейчас звать на лекцию — не идут, отказываются. Были случаи, когда кое-кого чуть ли не силой приходилось тащить в красный уголок. А теперь то и дело слышишь вопросы: о чем следующий диспут, когда будет?

Не все гладко было до последнего времени и в посещении библиотеки, читальных залов. Вернется парнишка с работы усталый, олябаный. Чтобы обменять книгу, надо снова куда-то идти. А логично не хочется.

— Не лучше ли будет, если библиотека сама придет в наше общежитие? — предложил кто-то.

Идея понравилась. И вскоре ребята организовали в общежитии свою библиотеку, а рядом оборудовали читальный зал. Это подобало за тишиной и удобством. Ведь ребята, населяющие огромное четырехэтажное здание, почти все учатся. Среди них студенты заочных институтов и техникумов. Днем — работа на производстве, а вечером — учеба. Теперь после смены большинство комнат в доме превращается в кабинеты. На столах — логарифмические линейки, сборники задач по высшей математике.

И в этом тоже сказалось влияние активистов из совета.



16 ИМЕНИННИКОВ

О них рассказывал Александр Волков

Ребятам всегда хотелось, чтобы в общежитии каждый человек чувствовал себя как дома. Но чувствовать себя как дома — это не только иметь ковровые дорожки в коридорах, уютную комнату. Это не только поливать цветы и соблюдать образцовый порядок. Это значит еще — чувствовать к себе внимание окружающих товарищей, с которыми живешь бок о бок.

Такой разговор зашел, когда однажды ребята узнали, что у председателя бытового совета Коли Зиновьева и еще у пятнадцати товарищей день рождения, а их никто не поздравил.

— Надо исправлять ошибку, — сказал кто-то. — Давайте отметим этот день сообща, всем общежитием.

Предложение понравилось. Создали специальные жюри, которые наметили программу молодежного вечера. «Виновников» товарищей пришлось поздравить членам комитета комсомола, представителям цехов и участков. На столе разложили целую гору подарков — книги, шахматы, музыкальные инструменты. Тепло и красиво отметили ребята в красный уголок день рождения своих товарищей.

Теперь такие праздники стали частым событием в нашем общежитии.

— ОДИН ЗА ВСЕХ, ВСЕ ЗА ОДНОГО

Рассказывал Николай Зюнов

В нашем общежитии существуют свои, коммунистические заповеди. И мы их строго выполняем.

Как-то пришли к нам два пареня. Кепки на одном боку, чубы на другом, руки в карманах. Вошли в штаб бытового совета и заявили:

— В общем, так: надоело жить на частной квартире, хотим быть в коллективе.

Мы поговорили с ребятами и решили, что им можно поселиться в общежитии.

В первую же получку Алексей Новиков и Степан Галанов — так звали ребят — устроили в комнате. Новых жильцов предупредили. Они калякали, что ничего подобного больше не повторится. А буквально через несколько дней опять засели за «трефы» и «пикси». Их снова убеждали, прося-

ли — ничего не помогаю. Ребята продолжали играть в карты.

— Выселить их! — предложил комendant.

— Нет, — возразили члены совета. — Соберем сначала товарищеский суд.

Обсуждали картежников горько. Не очень приятно сидеть посреди красного уголка, глядя на возмущенные лица тех, с кем живешь под одной крышей, слушать их суровые, но справедливые упрёки. Этого новых жильцов не ожидали. Вся смена светела с них мигом, и они стояли перед товарищами растерянные, поинишше, с трудом сдерживая слезы.

После сурового товарищеского суда ребята перестали играть в карты, перестали устраивать выписки. Так дружный коллектив сурово одеревятел всякого, кто пытался запятнать честь общежития.



«ВСЕ МОЕ — НАШЕ» Что бы там ни говорили, объединил Александр Спиридонов



Здесь живут три товарища: Коля Судачин, Валентин Яшин и Гена Бабко. Подружились и с этими ребятами недавно. Оглядываясь назад, становится так приятно вспомнить тот разговор.

— Коля, возьми нам перчаток: они теплые, а на улице сегодня холодно. Ты ведь сильно страдаешь —

— А сам без перчаток?

— Обо мне не беспокойся. Я закаленный.

Ребята живут по принципу: «Все мое — наше». Новый кофемолку покупают сообща тогда, кому он нужнее. Художественные полотна, книги, учебники тоже

приобрели вместе. Как-то выяснилось, что Коля Судачин любит музыку, а сам он в тот момент не мог купить радиоприемник. На помощь пришли товарищи по комнате.

Тогда уж повелось в 51-й: если у одного была туфля, — двое других вымучат. У Геннадия умер отец, осталась одна мать-старушка, и он, студент политехнического института, пошел работать на завод, забросил учебу. Но друзья заставили Гену снова сесть за учебник.

В 51-й комнате никогда не бывает ни скандалов, ни ссор. Возможно, вы скажете, что это де-

визит от характеров. Характеры, стремления, мечты жильцов этой комнаты действительно совпали. Но главное, разумеется, не в характерах. Главное — в высоком уровне таланта, которым руководствуются друзья в совместной жизни. Это чувство подсказывает ребятам, когда надо выключить свет в комнате, уйти заниматься в углок отдыха, если кому-то не обходится тышина.

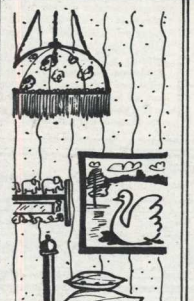
Каждый из трюх друзей. Зависает свет в своих окнах, радуется: значит, кто-то дома, можно поделиться впечатлениями, посоветоваться.

О ВКУСАХ СПОРЯТ — заявляет Тамара Спиридонова

Чем украсить комнату? Этот вопрос всегда волновал девчат нашего общежития. В комнатах наших чист, много воздуха, света. И на кухне мы стараемся поддерживать идеальный порядок. Но вода так хочется, чтобы было еще и красиво и уютно!

Помню такой случай. У девчат висела над кроватью такая картина: летняя зари, панорама до горизонта, тракторист с прицепами, ком, сидя на земле, ужиная. Воспоная девочка наливает им молоко. Нарисовано так здорово, что хочется побывать на шашке и попить его молоком!

Картина всем нравилась. Но вот с ними поселилась Толя К. В первый же вечер она сорвала со стены «Ужин трактористов», а на это место приколола картину с розовыми русалками в окружении неестественных лебедей на берегу зеленого, как болото, пруда.



Подружки попытались было возразить. Но категорически непреклонной оказалась воля новозеландки. «О вкусах не спорят. Что хочу, то и веншаю над своей кроваткой», — заявила Толя.

А на следующий день купила где-то «Веру, Надежду, Любовь» с одним огромным сердцем, прозенным длинной стрелой — «символом постоянства».

«Починание» Толи оказалось зарывательным: в соседних комнатах на дощечках стоек появились грубо вымышленные ползущие собаки, кошки, похожие на голубя, петухи, похожие на кур.

Сначала комсомолки хотели заставить Толю и ее «последователей» выбросить из светлых комнат эту мешковитую хляму. Но потом подумали: а не лучше ли, чтобы эти девушки сами научились отличать подлинное искусство от халтуры?.

Стали организовывать в общежитии беседы об эстетике, устраивали диспуты, лекции о хорошем вкусе. Пригласили лектора на выставки живописи и графики. Доставали иллюстрированные книги по декоративно-прикладному искусству. И помогли! Из комнаты исчезли аллюватные безделушки, безвкусные приобретения. На стенах — репродукции с картин Ренна, Левитана, Сурикова, Айвазовского...

В этом сказалося влияние дружного коллектива.

Школой воспитания человека будущего общества называют молодежь Горьковского автозавода свое общежитие, ставшее для нее родным домом. Молодые жильцы хорошо вместе. И это потому, что их связывают взаимопонимание, доверие и дружба.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЪЕДИНИ

Коллективы: Виктор Боровов — мастер смены Ярославского шинного завода. В этом коллективе есть уже несколько бригад коммунистического труда. Сейчас ребята активно борются за это почетное звание своей смены.

Портрет выполнен художником В. Камешкиным.

ПРИШЛА ЗИМА

Хорошо пройтись на лыжах по зимнему лесу! Для танков прогулок художники-модельеры предлагают удобную и красивую спортивную одежду из недорогой ткани — трикотажа с начесом. Если вам понравилась модель, которую вы видите на соседней странице, то вас, наверное, заинтересует, где их приобрести.

Назвать бы социализм нам в Доме моделей трикотажных изделий, подобные ансамбли вы можете заглянуть в Москве, Ленинграде, Омске, Иркутске, Саратове, Ульяновске, Нижнем Новгороде, в Сызрани. Трикотажные предприятия этих городов отобрали и зимнему сезону лучшие образцы спортивной одежды и материалы из лыж.

Большое удовольствие от просмотра новых моделей получили и руководители трикотажных заводов, фабрик Иванов, Куйбышев, Свердловск, Витебск. Получили и... успомились. Видимо, они рассудили так: не нам натаскать, не нам и самочки носить.

Надо думать, что любители спорта вместе с соответствующими сановниками обсудят этим руководителям, что такая позиция отнюдь не оправдана тем, кто должен выпускать спортивную одежду.

Главный редактор А. В. Никонов.
 Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долгопосов, С. Е. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [заместитель главного редактора], Е. И. Рабичков, А. А. Сокин, С. С. Славский, Б. И. Степанов.

Оформление В. Недогонова.
 Технический редактор Н. Вудина.
 А 0462. Подписано к печати 6/III 1960 г.
 Тираж 774 300 экз. Изд. № 8190.
 Заказ № 3164. Формат бумаги 70X109/8.
 2,25 б. л. — 6,17 п. л.

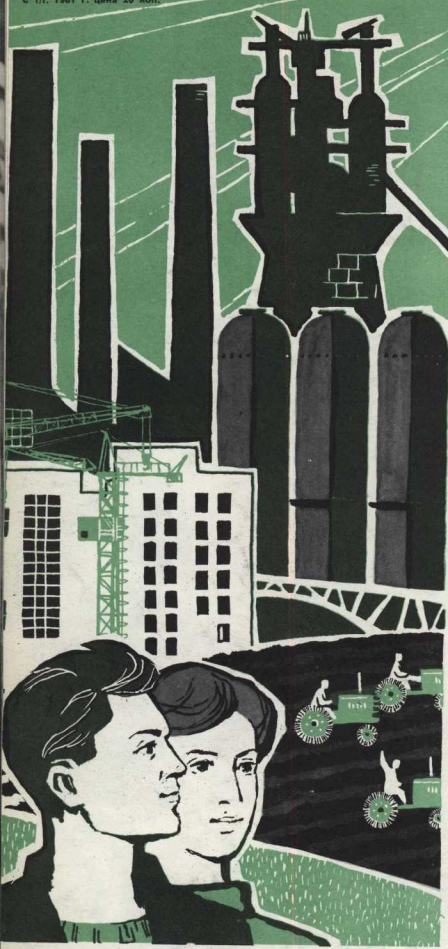
ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
 Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.
 ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:
 Коммутиатор Е 1-70-20.
 Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; отделы и подразделения — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; факсулатуры и спорта — доб. 3-34; информации — доб. 2-65; писем — доб. 2-33; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-61-32.

Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



Рисунок И. Кравцова.



СЕРДЦА ПОЮТ

(Песня коммунистических бригад)

Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО.
Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Над всей страной взлетает Ильич,
Зовёт он ленинских питомцев:
Как заведёт родной Ильич,
Творить, работать и бороться!

Припев:
Пусть нам Отчизна смекает:
Идти на подвиг юность рада!
Сердца поют
И славят труд
В коммунистических бригадах!

Нас комсомол в поход позвал
В таинный край, в просторы
пашен —

Хлеба, растить и лить металл,
Во имя жизни светлой нашей.

Припев.
Мы в звездный путь берем
разбег
И строим счастье на планете.
У нас закон — один за всех
И все за каждого в ответе!

Припев:
Пусть нам Отчизна смекает:
Идти на подвиг юность рада! —
Сердца поют
И славят труд
В коммунистических бригадах!

В темпе умеренного марша *mf* *Соло (тенор)*

Над всей страной взлетает Ильич, зовёт он ленинских питомцев: как

Мер (тенор) *mf*

за жила родной Ильич, зовёт, работает и борется! Пусть нам Отчизна смекает: идти на подвиг юность рада! Сердца поют и славят труд коммунистических бригадах!

соло

Сердца поют и славят труд в коммунистических бригадах!

МЕТА
1961

НАЧИНАЕТСЯ
ПУБЛИКАЦИЯ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ
ПОВЕСТИ

ВСЕВОЛОДА ПАРХИТЬКО
"ДЕЛО" СТУДЕНТА СМЕРНОВА

